

ГЛАВА VI

ГОРЬГОРЕЦКИЙ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ПО ПОЛОЖЕНИЮ 1859 г.

ПРЕДРЕФОРМЕННЫЕ годы и годы революционной ситуации 1859—1861 гг., когда крестьянский вопрос выдвинулся на первый план в жизни страны, затронули и МГИ и ГЗИ, но затронули по-разному.

В то время как деятельность МГИ оказалась под влиянием столичных крепостников, сумевших в начале 1857 г. заменить министра государственных имуществ П. Д. Киселева министром-крепостником М. Н. Муравьевым и укрепиться в МГИ, деятельность ГЗИ, его преподавателей и учащихся сопровождалась ростом антикрепостнических, освободительных идей и настроений под влиянием движения, создававшего революционную ситуацию.

Выдвинутый крепостниками, осуждавшими реформы Киселева из-за боязни государственного вмешательства в их отношения к крестьянам, Муравьев, став министром, заявлял, что «порядок, заведенный Киселевым в управлении государственных крестьян, никуда не годен и его нужно исправлять» [107-г; 40]. С этой целью он решил повысить платежи с государственных крестьян до уровня, который взимался с помещичьих крестьян, изменить в интересах помещичьего хозяйства систему сельскохозяйственного образования и т. п.

Во время поездки по России в 1857 г. Муравьев уверял своих собеседников, что «никакого освобождения крестьян не будет, что вопрос этот выдумали люди, не имеющие собственности: ученые, теоретики, поповичи» [107-и; 241]. Отрицательное отношение Муравьева к своему предшественнику выразилось также в его характеристике деятельности Киселева, как *сплошной теории, которую нужно заменить практикой* [см. также 49-б; 539].

Муравьев, как министр, направил свои действия на борьбу с «теорией» Киселева в области сельскохозяйственного образования, на приближение образования к практике в интересах помещичьего хозяйства, в чем он нашел поддержку у консерваторов, выступивших в эти годы в периодической печати.

Против распространения сельскохозяйственных знаний среди крестьян выступил В. И. Даль, автор известного «Толкового словаря». В «Письме», помещенном в «Русской беседе» (1856, № 3), Даль доказывал, что

«грамота ничему не вразумит крестьянина; она скорее собьет его с толку, а не просветит», так как «вкусивший без толку грамоты норовит в указчики, а не в рабочие; норовит в ходоки, коштаны, мироеды, а не пахари; он склоняется не к труду, а к туеядству». Эти мысли Даля оказывали поддержку Муравьеву, выступившему против крестьянских учебных ферм, открытых при Киселеве. Под стать Муравьеву с резкой критикой состояния сельскохозяйственной науки и образования выступил «Журнал землевладельцев» (1858—1860). По словам современного исследователя Н. М. Дружинина, этот журнал был посвящен вопросу, «как ликвидировать непроизводительное крепостное хозяйство, чтобы помещик не только ничего не потерял, а, может, и выиграл» [110; 467]. По мнению другого исследователя Н. А. Цаголова, экономическая программа журнала по своему содержанию была крепостнической [73; 193—200].

Помещик под псевдонимом «Неизвестный из Зарайска» поместил в журнале (№ 4) статью «Бедствия от предрассудков», в которой «предрассудками» считал плодопеременное хозяйство, многополье и индустриализацию сельского хозяйства. Сторонников этих новшеств «Неизвестный» называл «современными образованными лесогубителями, ... сластолюбивыми заводчиками и спекулянтами». Редакция поместила эту корреспонденцию, оговорив свое несогласие с ней.

В этом же номере журнала П. Б. предлагал «Письмом» печатать и распространять лекции по сельскому хозяйству, которые читаются в учебных заведениях.

Это предложение вызвало резкое возражение помещика-крепостника В. Журавлева. В «Письме к издателю» (№ 8 журнала) Журавлев считал эти лекции совершенно негодными для сельского хозяйства и, в частности, ссылаясь на лекции по агрономии в духовных семинариях, которые выслушиваются учащимися только для формы и из которых ими ничего не перенимается за негодностью для сельского хозяйства.

Враждебное отношение Журавлева к сельскохозяйственным знаниям вынудило редактора Желтухина выступить здесь же с «Ответом Журавлеву редакции», в котором также подчеркивается отрицательное, вредное влияние предшествующей сельскохозяйственной науки. «Наука сельского хозяйства, — пишет редакция, — далеко не принесла той пользы, которую могла бы принести, а вреда наделала много». Вред этот заключался, по словам редакции, в том, что сельскохозяйственная наука содействовала «расторжению добрых отношений между помещиками и крестьянами». В качестве примера, иллюстрирующего «расторжения добрых отношений» и влияние в этом «расторжении» сельскохозяйственной науки, редакция описывает помещичье имение, устроенное по правилам сельскохозяйственной науки. «В пору всеобщего размножения поборники западной науки, — пишет редакция, — явились с заманчивым предложением удешевить доходы легкими, паллиативными средствами... Представим имение, подвергнутое улучшению. Помещик отделил свои поля от крестьянских, лучшие и близкие к усадьбе, разделил поля по севооборотам, ввел новые культуры и земледельческие орудия. Увеличилась барщина. Появился немец управляющий. Крестьяне сразу «спознали немца». При разоренных крестьянах заводили фабрики, по всем правилам политической экономии начинали производить эксплуатацию человека... Тогда как нужно было лечение коренное, но осторожное, преобразование полное, но строго обследованное...»

Приведя этот пример для опровержения всей предшествующей сель-

скохозяйственной науки, в особенности политической экономии, и умолчав о роли в эксплуатации всевластия и произвола помещика, редакция журнала находила возможным установить «добрые» отношения между помещиком и крестьянами при помощи «новой» сельскохозяйственной науки. Эта «новая» наука, по мнению редакции, «еще не выработалась у нас, но основания её заключаются в трудах естествоиспытателей всех стран и народов, а обильные материалы—в трудах опытных и ученых хозяев Европы и Америки... и в практических сведениях, которыми обладают многие деревенские жители, изучившие русскую природу и хозяйство не «на Невском проспекте или Кузнецком мосту», а в избах, на полях, лугах, в лесах».

Рассуждения «Журнала землевладельцев» поддерживали действия Муравьева в области сельскохозяйственного образования, которые он начал с коренного преобразования, а частично и ликвидации крестьянских учебных ферм, открытием которых, как известно, начинал свою деятельность Киселев. Три учебные фермы (Тамбовская, Самарская и Екатеринославская) были в 1860 г. закрыты, а остальные пять ферм (Вологодская, Казанская, Горыгорецкая, Саратовская и Харьковская) были преобразованы в учебно-коммерческие хозяйства по образцу помещичьих имений [23; 71—72]. Учебные фермы должны были готовить крестьян-рабочих для помещичьих имений. Число учащихся на фермах постепенно сокращалось, они заменялись вольнонаемными рабочими. Власть управляющего фермой усиливалась и приравнивалась к правам помещика; хозяйство на фермах строилось на коммерческих началах и должно было приносить наибольший доход.

Реформа учебных ферм в таком направлении обосновалась Муравьевым в докладе 1860 г. «О преобразовании учебных ферм» следующим образом: «Подобное направление хозяйства учебных ферм делается особенно необходимым и полезным в настоящее время для всех владельцев имений, которые должны будут перейти от обязательного к свободному труду».

Перестройка учебных ферм нашла поддержку и оправдание в «Журнале землевладельцев», в статье члена Московского общества сельского хозяйства В. Высотского, который был в курсе намечавшихся министерских мероприятий по сельскохозяйственному образованию. «До сих пор,—пишет Высотский в статье «Об образовании помещиков» (1858, № 2), — из образцовых ферм выпущено 833 воспитанника, которые, обращаясь в свой прежний быт, должны служить не учителями, а только примером для своих одноотчинников. Что же может значить цифра 833 в отношении к 10 миллионам одних государственных крестьян? Мальчик, неволею взятый от семьи, отдаленный от родного быта, от своих привычек и домашнего приволья, считает ученье за барщину... Кончается тем, что воспитанник, возвращаясь в своё селение, становится таким же мужиком, как и прежде... работает тою же сохою и бороною, которыми работали его деды».

Число окончивших учебные фермы (833) Высотский привел не из последних данных, так как их число к 1857 г. составляло 1373 [49-б; 239]. Но, хотя и это число было незначительным, с ликвидацией учебных ферм крестьяне лишались единственной школы, в которой могли получать элементарные сведения по сельскохозяйственной практике.

Перестраивая в предреформенные годы хозяйство учебных ферм в помещичьих интересах, правительство решило также подготовить для намечавшегося нового землеустройства землеустроителей, которые со-

блюдали бы интересы помещиков при разделе их земель с крестьянскими.

Так возникло в 1858 г. при ГЗИ новое учебное заведение—«Классы частных землемеров и таксаторов», открытые одновременно и в Москве при Константиновском межевом институте. В Положении учреждение Классов мотивировалось «ощутительной надобностью в производстве съемок и таксации поземельной собственности» [23; 72—75]. Считая недостаточным учреждение Классов только в Москве и Горках, МГИ по соглашению с министерствами народного просвещения и внутренних дел стало открывать с 1859 г. такие же Классы в губернских городах при уездных училищах или гимназиях.

Хотя в Классы принимались 16-летние подростки «всех свободных состояний» со знаниями за курс уездных училищ, но преимущество при приеме отдавалось детям дворян и, в частности, дворян родовых, что подчеркивалось разными правами после окончания Классов. Окончившие получали права на чин в разные сроки в зависимости от сословия: родовые дворяне получали первый чин через 3 года после окончания, потомственные дворяне—через 5 лет, разночинцы—через 7 лет («О правах частных землемеров и таксаторов») [23; 82]. Дети крестьян, если им удавалось поступить в Классы, вовсе лишались аттестатов. Им выдавались временные свидетельства, которые они могли заменить на аттестат только через 6 лет работы по исполнению обязанностей землемера и таксатора, о чем нужно было представить удостоверение. Если окончивший из крестьян не мог представить подобного удостоверения, то он причислялся «к первобытному податному состоянию», у него отбиралось временное свидетельство, а выдавалось свидетельство об окончании учебной фермы.

Курс обучения в Классах был двухгодичный. Преподавались предметы только специальные, практические: низшая геодезия, нивелирование, таксация, краткий обзор естественных наук применительно к сельскому хозяйству, накладка, черчение и надписание планов. Только в 1876 г. были введены по 1 часу в неделю межевые законы и прикладная математика, связанная с землемерием, а в 1880 г. несколько расширен обзор естественных наук включением физики, химии, ботаники и краткой зоологии.

Почти все учащиеся Классов в количестве 50 получали стипендию по 120 руб. в год, тогда как в ГЗИ получали стипендии по 110 руб. только 25 студентов (10—12%), а в земледельческом училище — по 70 руб. 25 учеников.

Все ученики Классов были вольноприходящими, т. е. жили на частных квартирах под наблюдением двух репетиторов.

Окончившему Классы присваивалось звание «частного землемера и таксатора», а в аттестате указывалось, что он может «делать нарезки и даже в натуре указывать предположенные межи с постановкою частных признаков, но не имеет права производить окончательные юридические межевые действия, сопряженные с формальным утверждением и возобновлением межевых признаков» (§ 17 и 18 Положения о «Классах»).

Указание в аттестате, каких прав не имеет его владелец, обычно не применяющееся в документах об окончании учебного заведения, видимо, продиктовано было боязнию, как бы землемер не превысил своих прав, не начал бы в роли судьи и администратора решать споры в пользу крестьян. Предупреждение о недопустимости превышения землемером своих прав было сохранено и в новой форме аттестата, пересостав-

ленной в 1885 году. Учреждение Классов в 1858 г. в ведении директора ГЗИ способствовало развитию ГЗИ: увеличилось число учащихся, возрастал штат преподавателей, и расширялась учебная и жилая площадь (вскоре для Классов было построено специальное здание).

В Горках Классы просуществовали 50 лет, до 1909 года, когда были преобразованы в землемерно-агрономическое училище с 4-летним курсом обучения и 2-летним подготовительным классом. С 1895 г. в виду увеличения потребности в землемерах в Классах было открыто параллельное отделение.

Одновременно с переустройством учебных ферм и основанием землемерно-таксаторских классов Муравьев приступил к обследованию состояния ГЗИ с целью придания ему большей практической направленности.

Летом 1857 года для ревизии учебной стороны ГЗИ был командирован в Горки директор департамента А. П. Заблоцкий, назначенный директором после ухода Левшина. В отчете по ревизии Заблоцкий отметил многопредметность в учебном плане ГЗИ и недостаточность практического обучения [17; 55—58]. Он указывал на слишком большое число (4—5) лекций в день, а многие вспомогательные предметы: ботаника, ветеринария, сельскохозяйственная архитектура, механика, кадастр — читаются по чрезмерно обширной программе, в ущерб главным предметам. В ГЗИ, по мнению Заблоцкого, должна преподаваться политическая экономия, а не энциклопедия камеральных наук, в которой давались краткие сведения по экономике, и не одновременно с организацией сельского хозяйства, а до этого курса. Исходя из этого, Заблоцкий предлагал исключить из учебного плана математику, ветеринарию, кадастр и люстрацию, заменить энциклопедию камеральных наук политической экономией, а аналитическую химию — земледельческой химией, сократить программный материал по естественным наукам и геодезии, ввести историю сельского хозяйства, шелководство, французский и английский языки.

Заблоцкий обратил также внимание и на большое число экзаменов (50) и репетиций (38). Такое количество экзаменов, по его мнению, мог выдержать студент, сдавая предмет только по частям, так что терялась связь целой науки и создавалась поверхностность знаний. Поэтому он предлагал отменить экзамены с 1 на 2 и с 3 на 4 курсы, а оставить экзамены только со 2 на 3 курс и выпускные — в начале апреля.

Так как практические занятия, имея экскурсионно-наблюдательский характер, проводились в институте главным образом летом, после весенних работ, а на 4-м курсе — после выпускных экзаменов, с конца апреля по 15 августа, и не вызвали поэтому у студентов особого интереса, то Заблоцкий предложил каникулы устраивать только с 20 декабря по 1 февраля и на практических занятиях обучать студентов самостоятельной работе: уменья пахать, косить, запрягать лошадь, ухаживать за скотом, делать прививку и обрезку деревьев, обучить работе на одном из технических сельскохозяйственных производств и т. п.

«Преподаватели, — писал далее в своем отчете Заблоцкий, — при обязанности читать большое число лекций не могут уделять достаточно времени практическим экскурсиям со студентами и в то же время вынуждены часто растягивать свои чтения, наполнять их не имеющими важности подробностями»; преподаватели поэтому лишены возможности следить за литературой, не имеют времени для учебных занятий, что «по

справедливости можно требовать от высшего агрономического заведения».

В результате предложенных изменений, по мнению Заблоцкого, освободится время, с одной стороны, для самостоятельной работы студентов по чтению, по приведению в порядок лекционных записей и для научных трудов преподавателей, а с другой стороны, для того, чтобы уделить больше внимания практическим работам студентов.

Предложения Заблоцкого рассматривались в Совете ГЗИ и не встретили особых возражений.

Но в оправдание тех сторон учебного дела в ГЗИ, которые Заблоцкий нашел неудовлетворительными, Совет института счел необходимым дать объяснения.

По мнению Совета ГЗИ, многопредметность в учебном плане и переизбыток лекционно-теоретических занятий над практическими объясняется, во-первых, тем, что учебный план составлялся под некоторым влиянием иностранных сельскохозяйственных институтов, в которых за два года при шести часах лекций проходились все предметы, преподававшиеся в ГЗИ; во-вторых, особенными требованиями, предъявлявшимися к ГЗИ, который должен был подготавливать лекторов, обучать сельскохозяйственным предметам воспитанников духовных семинарий, нуждавшихся в пополнении своих знаний по математике и естественным наукам; в-третьих, «недостаточностью в институте способов к практическим упражнениям по неустройству технических заведений», в особенности при большом числе студентов (свыше 180 человек), несоизмерном с числом руководителей, тогда как в Меглинском институте Тэера число учащихся не превышало 25 человек; в-четвертых, наконец, тем, что ГЗИ находился на первой стадии своего развития, когда сельскохозяйственные науки еще мало были разработаны и приспособлены к потребностям русского сельского хозяйства. По мнению дирекции института, лучше, когда студенты при недостаточности и необорудованности учебно-вспомогательных учреждений для практики заняты лекциями, хотя и чрезмерно распространенными, чем, имея много свободного времени, злоупотребляли бы своим досугом [17; 59].

Оспаривалось Советом ГЗИ только предложение Заблоцкого о том, чтобы обучать студентов разным приемам сельскохозяйственных работ, а защищались установившиеся в институте агрономические экскурсии и беседы на том основании, что «приспособление к практике готовящегося в распорядители по части сельского хозяйства заключается не столько в умении производить разные механические действия, сколько в умственной развитости, дающей способность сообразить и избирать самое ближайшее и вернейшее средство к достижению известной цели, в умении общее правило применять к частным случаям и в приспособлении и изоощрении глаза видеть и быстро замечать, что хорошо, в пору и к месту, или нет и т. п.». Защищая важность общего развития студентов, Совет в то же время признавал полезным усилить обучение студентов отдельным практическим приемам.

Вместе с этим директор института Война-Куринский особой запиской в МГИ предлагал увеличить штат служащих и улучшить учебно-вспомогательные учреждения ГЗИ, для чего просил увеличить штатные суммы ГЗИ на 8689 руб. в год.

Вскоре после ревизии ГЗИ Заблоцким, в этом же 1857 году, ГЗИ подвергся второму обследованию, предпринятому Московским обществом сельского хозяйства (МОСХ). Это Общество выступило с проектом

учреждения высшей сельскохозяйственной школы в Москве. Для обоснования предложения потребовалось ознакомление с состоянием уже существовавшей высшей сельскохозяйственной школы — ГЗИ: насколько он справляется с поставленной ему задачей, сможет ли он и в дальнейшем один удовлетворять возросшую потребность в агрономах высшей квалификации и что можно использовать из опыта ГЗИ при организации новой высшей сельскохозяйственной школы.

С этой целью Совет МОСХ поручил секретарю С. А. Маслову отправиться в ГЗИ и осмотреть его на месте, воспользовавшись приглашением прибыть на сельскохозяйственный съезд в августе 1857 года.

Маслов пробыл в ГЗИ 10 дней, изучал учебные планы, осматривал жилые и учебно-вспомогательные учреждения, участвовал на сельскохозяйственном съезде, был на торжественном выпускном акте, везде «вникая, как он писал в отчете, не столько в мелочи, сколько в дух учащих и учащихся, наблюдая их любовь к избранным занятиям».

Возвратясь в Москву, Маслов сделал сообщение о своих впечатлениях о ГЗИ на экстренном заседании Общества по случаю присутствия министра Муравьева, расположенного к Московскому обществу сельского хозяйства за его деятельность по развитию помещичьих хозяйств и по распространению церковной грамотности среди крестьян [90-в]. В сообщении Маслов отметил «благотворное» сближение в институте учащихся различных сословий: детей дворян, мещан, духовенства, военных и др. и из различных мест России, в частности, сближение молодежи из центральных и западных губерний. Муравьев, повторяя мысль Маслова, отметил, что это сближение молодежи в ГЗИ является одной из его важных особенностей, оправдывающих существование ГЗИ, и в то же время поддержал предложение Общества о необходимости учреждения второго агрономического института в Москве, как столице и центре России.

В ноябре 1857 года на очередном заседании Общества Маслов сделал специальный доклад с обзором различных сторон ГЗИ как положительных, так и отрицательных [90-г].

Положительная сторона ГЗИ, по словам Маслова, — это прежде всего «прекрасный плод» института — выпуск специалистов как распространяющих сельскохозяйственные знания в учебных заведениях и среди помещиков, так и участвующих в сельскохозяйственных Обществах и издаваемых ими журналах (с 1844 по 1857 гг. окончило высший разряд ГЗШ, а затем ГЗИ 281 человек). Некоторые из окончивших, как Советов, Бажанов, Дубенский и др., получили заслуженную известность среди деятелей по сельскому хозяйству.

Хорошо, по мнению Маслова, ведется учебное хозяйство института: на фольварке Иваново, который соседи называют «парадизом» (раем), рожь давала урожай сам 14, тогда как в окрестностях он был сам 3—4. Описав ботанический сад, опытное поле, фруктовый и лесной питомники, Маслов делает заключение: «Учиться есть чему и над чем. Ни в каком и самом лучшем практическом хозяйстве нельзя найти столько предметов для наблюдения и изучения».

С похвалой отзываясь Маслов о химической лаборатории адъюнкт-профессора Шмидта, найдя в ней все необходимое для учебных и исследовательских занятий. Называет Маслов и особое институтское здание для технологической переработки сельскохозяйственных продуктов, находит прекрасным учебный корпус, в верхнем этаже которого были спальни студентов и др.

С удовольствием отмечает «обозреватель» пение студентами в парке во время гулянья русских песен: «И то умно, что белорусцы выучили и полюбили русские песни», которые, по его мнению, гармоничнее монотонных белорусских. «На славу сделан» и студенческий бал в институте после торжественного акта: зал был изящно убран цветами и деревьями; дам встречали студенты в новеньких мундирах и белых перчатках; играл оркестр, привезенный от соседнего помещика; бал открылся польским танцем; многие дамы «в роскошных нарядах и несколько красавиц таких, что и в столицах они были бы в первых парах».

К недостаткам ГЗИ Маслов относит удаленность его от культурных центров, нахождение в белорусском местечке, лишенном хороших подъездных дорог, что мешало развитию института, создавало большие трудности для поступающих в институт из обширной территории России и для устройства при ГЗИ сельскохозяйственных съездов, выставок и т. п.

Далее развитию ГЗИ мешали неблагоприятные условия местечка и отчасти самого института. Ни в институте, ни в местечке нет гостиницы, где могли бы остановиться приезжающие по каким-либо делам. В местечке в плохую погоду грязно, нет извозчиков. Квартиры в ГЗИ для некоторых преподавателей, «отшельников и тружеников науки» (как они названы Масловым), непривлекательны и имеют характер «казарменных помещений». «Это нетрудно заметить, — пишет Маслов, — и грешно не пожелать удобств жизни людям, почти отчужденным от общества, кроме своих семейств, и постоянно занятым умственной работой».

В учебном плане ГЗИ Маслов так же, как и Заблоцкий, нашел «излишество предметов», не связанных или мало связанных с сельским хозяйством и ненужных для подготовки агронома, как логика, лесоводство и др. И так же, как и Заблоцкий, Маслов предлагал включить в учебный план французский язык в качестве необязательного предмета.

Отметив «излишество предметов», Маслов выразил мысль о необходимости отказаться от подготовки агронома-универсала, а специализировать студента в одной какой-либо отрасли сельского хозяйства: «От студента или агронома, — писал он, — нельзя требовать, чтобы он был профессором во всех предметах».

Вместе с тем, отдавая дань пробудившимся либеральным идеям и настроениям, Маслов высказал мысль о свободном выборе самим студентом своей специальности, чтобы «всякий, вышедший из детского возраста, студент учился тому, что он по внутреннему призванию более любит, и учился столько времени, сколько того требуют способности».

Для выяснения того, как обслуживает ГЗИ территорию России, Маслов ознакомился с территориальным и сословным распределением учащихся ГЗИ и ГЗУ (данные приведены в предыдущей главе) и пришел к следующим выводам:

1) в ГЗИ происходит сближение молодежи разных сословий и из разных мест государства, в особенности из западных губерний и центральной России, что является важной и положительной стороной института;

2) обучение в ГЗИ молодежи, прибывшей из всех губерний России, от Архангельска до Тифлиса, от Варшавы до Оренбурга, свидетельствует о том, что везде признается польза и необходимость сельскохозяйственных знаний и что поэтому требуется расширение сельскохозяйственного образования;

3) ГЗИ, имея в составе учащихся главным образом молодежь из

западных губерний, не может один удовлетворить возрастающую с каждым годом потребность в высшем сельскохозяйственном образовании.

Последний вывод был ответом на главную цель обследования ГЗИ МОСХ и в то же время основным мотивом необходимости иметь институт, подобный ГЗИ, в центре России, в Москве, что и было высказано Масловым в обзоре.

Материал по обследованию ГЗИ был использован членом этого общества В. Высотским в выше названной статье «Об образовании помещиков», помещенной в «Журнале землевладельцев».

Чтобы крепче обосновать необходимость открытия высшей сельскохозяйственной школы в Москве, Высотский в этой статье не только совершенно умолчал о тех успехах ГЗИ, о которых говорил Маслов, но еще более сгустил его теневые стороны.

Сельскохозяйственная наука, которая до этого времени была представлена главным образом в ГЗИ, «ровно ничего» не сделала, по словам Высотского, для того, чтобы «помочь сотням тысяч тружеников сельского хозяйства», и сельское хозяйство развивалось только трудами хозяев-практиков. В ГЗИ, расположенном на краю государства, в глуши, в неизвестном местечке, учились большею частью случайно попавшие в него или же присланные разными государственными и общественными учреждениями, а не самостоятельно избравшие себе сельскохозяйственную область знания. По окончании института очень многие поступают чиновниками по МГИ. Предметы преподавания в ГЗИ не соответствуют подготовке сельских хозяев. В перечне предметов, который предлагает Высотский для сельскохозяйственного института, не должно быть таких предметов, как математика, ботаника, геодезия, садоводство, огородничество, пчеловодство, не говоря уже об языках и логике.

Недостаточно, по мнению Высотского, количество земледельческих училищ. По отчету Министерства внутренних дел за 1855 г. из 109 тысяч всех помещичьих имений только при 3 400 имениях есть крестьяне от 500 душ и более, владельцам которых доступен наем образованного управляющего. Иначе говоря, обзаводиться управляющим мог только один из 32 помещиков.

«Многие, очень многие, — пишет Высотский, — сознавали волеюущую необходимость учреждения внутри России таких учебных заведений, где не только дети помещиков, но и сами помещики могли бы обогащать ум свой всеми знаниями для земледельческой промышленности». Он надеется, что это исполнится с устройством в Москве высшего агрономического училища по образцу университетских факультетов.

В результате обследования ГЗИ Масловым Московское общество обосновало свое предложение о необходимости открытия сельскохозяйственного института в Москве, указывая на то, что ГЗИ, единственная высшая сельскохозяйственная школа, отдаленная от центра России, хотя и справлялась с подготовкой агрономов высшей квалификации, но, преодолевая большие трудности, в дальнейшем не сможет удовлетворить возросшую потребность в таких агрономах. С предложением МОСХ и с его обоснованием согласилось МГИ и остановило свой выбор для института на Петровско-Разумовском имении, которое находилось в 5 верстах от Москвы и продавалось помещиком Шульцем за 250 тысяч руб. В докладе Муравьева (1860) о решении купить Петровско-Разумовское имение приводится следующий мотив открытия в нем «высшего агрономического заведения», близкий к высказанному МОСХ.

«Единственное высшее заведение, Горьгорецкий земледельческий институт, хотя и может по устройству своему и средствам удовлетворять требованиям современной науки в теоретическом и практическом отношении, но не восполняет недостатка в другом подобном же заведении для центральных и юго-восточных, земледельческих по преимуществу, губерний России. Даже в западной полосе империи, где Горьгорецкий институт мог иметь надлежащее значение и приносить ближайшую пользу, приобретение этого значения и принятие этой пользы доселе затруднялись неудобством первоначального учреждения оного в одной из самых глухих местностей западного края и другими недостатками в устройстве сего заведения» [23; 105].

Таким образом, ГЗИ в 1857 г. подвергся двум обследованиям: из Петербурга Заблоцким и из Москвы Масловым. Эти обследования отчасти определили дальнейшее переустройство ГЗИ. Предложения Заблоцкого в результате ревизии и мнение Совета института Ученый комитет МГИ рассмотрел и решил внести соответствующие изменения в Положение 1848 года, а также увеличить ассигнование институту на 20 тысяч руб.

Не довольствуясь частичными изменениями в ГЗИ, предложенными Ученым комитетом, и не одобряя мнения, высказанного Советом ГЗИ и поддержанного Заблоцким, о том, что важнее добиваться от студентов ГЗИ общей «умственной развитости, дающей способность соображать», чем уменьшать производить разные механические действия, Муравьев летом 1858 г. сам отправился в ГЗИ для ревизии, совместно с новыми членами Ученого комитета А. М. Ламовским и Е. А. Петерсоном.

В отчете по ревизии [17; 60—62], составленном Ламовским, прежде всего указывалось, что Горки — неподходящее место для института.

«Институту, как высшему училищу, — говорилось в отчете, — в Горках быть не следовало и не следует; жертву и большую жертву приносит тот, кто решается служить и вообще жить там. Эта жизнь в захолустье, без образованного общества, без интересов вещественных и научных, при дороговизне и невозможности, хотя за большие деньги, иметь что-нибудь порядочное, ставит всякого живущего в Горках в какое-то озлобленное и грустное состояние. Жизнь студента не менее печальна, без должного приюта, тянут они день за днем, не знают они, куда деваться, что начать и с кем поговорить». Грустная картина жизни в белорусском местечке приводит Ламовского к мысли о необходимости ликвидировать ГЗИ: «Если останутся те же условия, как и теперь, то рано или поздно институт придется покончить и потому еще скорее, что очень трудно приобретать туда порядочных людей преподавателями».

Далее отчет отмечает тяжелые условия для преподавателей института как в материальном отношении при небольшом жаловании, так и в учебно-научной работе при необходимости преподавать несколько разнообразных предметов и в институте, и в земледельческом училище. При перегруженности учебной работой преподаватели «оставляют свои специальности, не занимаются наукой, погрязают в рутине учебной жизни, и, конечно, теряют и знание, и энергию», и, наконец, любовь к избранному предмету. «Теперь институт, — говорится в отчете, — еще держится старыми преподавателями (большею частью немцами) первого набора, но надо сказать откровенно, что многие из них в настоящее время не годятся в профессора».

Для избежания многопредметности в учебном плане отчет предлагал разделить все предметы на главные (обязательные) и вспомогательные (факультативные), ссылаясь на то, что если изучается какой-либо специальный предмет, то данные других наук, общетехнических и специаль-

ных, принимаются на веру, на слово, и только иногда для проверки фактов приходится их изучать основательно. В то же время необходимые предметы, по мнению Ламовского, должны преподаваться с обычной полнотой и серьезностью, а не поверхностно и сокращенно.

Постановка практических занятий в ГЗИ ревизоров не удовлетворила: на I курсе практические работы не проводились; главная практика студентов IV курса проходила летом под руководством управляющего фермой, непроизводительно и неорганизованно, так как на ферме одновременно скоплялось очень много практикантов: до 35 студентов и до 20 учеников ГЗУ, и поэтому многие из них оставались без занятий и без руководства. «Студенты значаще походят сколько-нибудь на практику,—говорилось в отчете,—а потом им это надоедает, и число посетителей практических работ уменьшается». Свою неявку на работы студенты объясняли тем, что им надо писать рассуждение—диссертацию как раз во время практики, перед выпуском из ГЗИ.

Муравьев, не решившись на предложение своих ревизоров «покончить» с ГЗИ, т. е. его закрыть или перевести, предпринял меры к коренному переустройству Положения ГЗИ 1848 года в практическом направлении, для чего поручил Е. А. Петерсону и А. М. Ламовскому составить новое Положение о ГЗИ и одновременно, в конце 1858 года, отстранил Заблоцкого от руководства департаментом сельского хозяйства и Война-Куринского от директорства в ГЗИ.

Удаление из МГИ Заблоцкого, ближайшего сотрудника Киселева, основателя и руководителя в течение 20 лет «Журнала МГИ», члена, а затем и председателя Ученого комитета, вызвало сочувствие у сослуживцев Заблоцкого, которые устроили ему в феврале 1859 года прощальный обед. Здесь были произнесены речи, носившие в некоторой степени политический характер [89; 1859, IV, 183—190].

Сам Заблоцкий говорил о себе, как о сыне нужды и труда, выросшем вблизи крестьян, вблизи простого народа (он происходил из семьи небогатых дворян Черниговской губ.), говорил, что образование выработало в нем убеждение, что для благосостояния народа надо пробудить в нем умственные силы и сделать труд свободным.

Д. Н. Струков, инспектор сельского хозяйства юга России, охарактеризовал Заблоцкого, как одного из главных деятелей «департаментского гнезда», славившегося в течение 20 лет «передовым движением экономических идей».

Среди других речей выделяется выступление питомца ГЗИ Н. Н. Скворцова, ближайшего сотрудника Д. Н. Струкова по инспекции при МГИ. Речь Скворцова характеризует его самого как деятеля, близкого по взглядам к Заблоцкому, и в то же время показывает состояние того воспитания и образования, которое он получил в ГЗИ пять лет перед этим. Скворцов говорил:

«Большая часть молодых моих сослуживцев еще не так давно простила со студенческой жизнью, и в их памяти еще свежи те начала, которые укореняются наукой и образованием. Эти начала—правда, уважение к человеческому достоинству и посильному разумному труду. Они глубоко западают в молодую душу, потому что родственны природе человека, хранят в себе залог всякого добра и скоро становятся самыми твердыми убеждениями, с которыми молодые люди и вступают на поприще общественной деятельности. Убеждениями этими они должны чрезвычайно дорожить... Ничем нельзя возбудить столько их любви и благодарности, как сочувствием к этим началам со стороны лиц, руководящих их деятельностью. Выражением этих чувств обыкновенно бывает прилежный и свободный труд... Богатые силами, они тогда готовы положить все на пользу службы и общественного блага».

Далее Скворцов отмечал, что Заблоцкий как руководитель сочувствовал «убеждениям, посеянным в нас образованием» и что это сочувствие «молодежь ценит выше всяких служебных поощрений».

Уважение к человеку, разумный труд — вот те, по приведенным воспоминаниям Скворцова о своих студенческих годах в ГЗИ, основные принципы, на основе которых в ГЗИ проходило обучение и на воспитание которых у студентов благотворно влияли и институтские преподаватели и руководители Ученого комитета.

Поэтому-то немного позже (август 1861 г.) Скворцов один из первых приветствовал в печати возможность демократизации науки путем открытия Петровской земледельческой академии, построенной по принципу «для науки все равны», открытой и доступной для всех и прежде всего для крестьянина [89; 1861, VIII, 139—162].

Вместо Заблоцкого, посвятившего себя в дальнейшем изучению жизни и деятельности П. Д. Киселева, директором департамента сельского хозяйства Муравьев назначил в начале 1859 года Курляндского губернатора П. А. Валуева, привлечшего внимание Муравьева своим отрицательным отношением к деятельности Киселева. В своей записке «Дума русского (во второй половине 1855 г.)», получившей распространение среди столичной бюрократии, Валуев, подобно Муравьеву, осуждал Киселева за его реформу государственных крестьян и за попытку устроить помещичьих крестьян на тех же основаниях, как были устроены государственные крестьяне. В этой попытке Валуев увидел как бы поход Киселева против помещиков, против их власти над крестьянами, так как при устройстве помещичьих крестьян по киселевской системе совершенно не нужен был помещик, тогда как, по мнению Валуева, помещик должен «лично управлять своим поместьем, имея в нем оседлость и непосредственно участвуя своим умом и своим капиталом в возделывании принадлежащей ему земли» [107-г; 349—359]. Так что в лице Валуева Муравьев нашел защитника своей помещичьей политики в МГИ.

Одновременно с Заблоцким был удален и Война-Куринский, пробывший директором ГЗИ почти 10 лет. Поддержка Война-Куринским, как директором ГЗИ, различных антикрепостнических мнений Совета института: о необходимости коренного изменения системы сельского хозяйства, о важности улучшения крестьянского хозяйства, о преимуществе общего развития студентов ГЗИ перед обучением их техническим приемам, о предоставлении ГЗИ прав самостоятельной цензуры при издании «Записок» и др. — все это не мирилось с крепостническими, консервативными взглядами Муравьева и было причиной его удаления. Временно и. о. директора ГЗИ был назначен сначала Целлинский, затем Рего.

Однако ни удаление из МГИ и ГЗИ руководящих деятелей, как Заблоцкий и Война-Куринский, ни приглашение к руководству П. А. Валуева, ни прекращение «Записок ГЗИ», ни другие консервативно-реакционные действия Муравьева не могли противодействовать тому стихийному потоку освободительного течения, которое создавало в России с 1859 года революционную ситуацию и оказывало влияние на преподавателей и учащихся ГЗИ, а также на Ученый комитет, разрабатывавший новое Положение ГЗИ. Это течение увлекало даже некоторых консерваторов, заставляя их приспособляться ко времени, тем более, что само правительство склонялось к освобождению крестьян и прослыть крепостником в это время никому не было приятно. Поэтому и Валуев, прибыв в сентябре 1859 года в Горки как директор департамента для ознакомления с состоянием ГЗИ, старался показать себя сторонником даль-

нейшего развития ГЗИ в антикрепостническом направлении. На Совете института он, высказав удовлетворенность состоянием ГЗИ, выступил с проектом устройства на одном из фольварков хозяйства на свободном, паемном труде, высказал также мысль о необходимости учреждения при ГЗИ ремесленного училища и школы для крестьянских девочек [2; 1862, № 122].

Точно также Петерсон и Ламовский при составлении нового Положения ГЗИ не могли не отдать дань некоторым идеям, выдвинутым эпохой и нашедшим частичное отражение в самом Положении.

В объяснительной записке к проекту Положения, составленному в начале 1859 года, Петерсон и Ламовский, между прочим, писали, что задача института должна состоять «преимущественно в образовании высшего разряда промышленников, которые бы умели с помощью научных соображений и основанных на опыте расчетов дать сельским занятиям выгоднейшее направление и устройство» [17; 63].

В проекте Положения намечался трехлетний срок обучения, вводились обязательные предметы с разделением их на две специальности — сельскохозяйственную и лесную, усиливались практические занятия, сокращалось число экзаменов, учреждалась должность декана, как в университетах, и т. д. Ученый комитет, утверждая проект, предлагал отменить для студентов-стипендиатов обязательность пятилетней службы по министерству после окончания института, но Совет министра это предложение отклонил. Целлинский, которому также давался на просмотр проект Положения, предложил, чтобы выпускные экзамены проводились после третьего курса, а не после четвертого, исключительно практического курса, что и было включено в Положение.

Положение рассматривалось в Совете министра и в Государственном совете и утверждено 8 декабря 1859 года.

ГЗИ по Положению 1859 года остался высшей сельскохозяйственной школой по университетскому образцу, какой он был и по Положению 1848 года. Основная задача ГЗИ, его структура, права преподавателей и окончивших его, преимущества всего института оставались прежними [23; 87—100]. В новом Положении оставлен был в прежней редакции п. 9 Положения 1848 года, который говорил о «непременной обязанности практически знакомить студентов с разными системами хозяйства, со способами перехода от одной системы к другой». В то же время Положение 1859 года по сравнению с Положением 1848 года существенно изменяло внутренний строй института — положение студентов и учебную сторону. Новшества Положения 1859 года, касающиеся положения студентов, отражали, с одной стороны, освободительные общественные настроения, а с другой стороны, боязнь студенческого движения.

Положением 1859 года облегчался прием в ГЗИ, так как понижались требования к поступающим. Кроме окончивших гимназии, в институт без экзамена принимались отлично окончившие землемерно-таксаторские классы; остальные принимались по экзамену за гимназический курс. При этом на вступительных экзаменах «обращалось внимание не столько на усвоенные памятью знания, сколько на умственное развитие, причем в некоторое уважение принимается и предварительное знакомство испытуемых с практической стороной сельского хозяйства» (§ 20).

Далее Положение 1859 года упраздняло так называемых своекоштных пансионеров, т. е. не разрешало студентам жить на свой счет в институтском интернате, и перестраивало, таким образом, институт из закрытого учебного заведения в открытое. Положением 1848 года, как это

указано выше, все студенты института разделялись на пансионеров, живших в интернате (на казенный или на свой счет), и на вольно приходящих, живших на частных квартирах.

По новому Положению в пансионе могли жить только студенты-стипендиаты, которых было около 25 человек (при стипендии на каждого по 150 руб. в год, вместо прежних 110 руб.), и студенты (около 20), учившиеся на средства командированных их учреждений (духовного ведомства, ВЭО и др.). Все остальные студенты, как и все ученики землемерно-таксаторских классов, должны были жить на частных квартирах. Это не касалось учеников ГЗУ, которые на прежних основаниях оставались в своем особом пансионе.

Это мероприятие было проведено по примеру университетов, казенные студенты которых, жившие в общежитии, в мае 1858 года получили разрешение жить на частных квартирах и почти все оставили общежития, чтобы избежать излишнего надзора [44-и; 51].

Кроме студентов, новое Положение предусматривало в ГЗИ, как в университете, и вольнослушателей (§ 24).

Упразднение пансиона для большинства студентов ГЗИ, расселение студентов в местечке и его предместьях, появление в Горках с 1859 года учеников землемерно-таксаторских классов, случаи студенческих выступлений — все это вызвало усиление инспекторского надзора за студентами, выразившееся в двух новых специальных разделах Положения 1859 года, отсутствовавших доселе: об обязанностях директора и об обязанностях инспектора над студентами и его помощников или надзирателей.

Директор института, помимо наблюдения за выполнением распоряжений начальства, за преподаванием, за нравственностью студентов, а также за хозяйственной и денежной сторонами института (§ 74), был обязан «в случае замеченных беспорядков и злоупотреблений делать внезапные исследования и ревизии и принимать решительные меры к исправлению и пресечению беспорядков, доводя о них в то же время до сведения министерства» (§ 77).

Инспектор должен был следить за нравственностью студентов, за исправным посещением ими лекций, за почтительностью их «к старшим и местным властям» (§ 83—84) и «с сею целью инспектор поставляется в прямые, непосредственные сношения с местною полицией и о результатах своих наблюдений и мерах взысканий лично представляет директору института» (§ 85).

Учебная сторона ГЗИ как по Положению 1859 года, так и по учебному плану и особым инструкциям к Положению изменялась в направлении усиления практики и ослабления лекционно-теоретических занятий, ослабления той «теории» Киселева, с которой вел борьбу Муравьев.

Вместо 4-летнего обучения вводилось 3-летнее. При этом после 3 лет обучения и выпускных экзаменов студент обязан был в течение всего следующего 4-го года выполнить практику на институтской ферме или в других соответствующих учреждениях или имениях (прежде эта практика выполнялась студентами 4-го курса за 2 летних месяца только на ферме). Затем через год студент должен был явиться в ГЗИ и представить отчет по практике, а для получения звания кандидата агрономии — особое «письменное рассуждение», и только после этого ему выдавался соответствующий диплом об окончании ГЗИ.

Трехлетнее обучение в ГЗИ делилось на 2 полугодовых курса: приготовительный и специальный. В соответствии с этим и экзамены

проводились 2 раза — при окончании preparatory, по некоторым предметам этого курса, и выпускные, при окончании специального курса (прежде экзамены были 4 раза: с курса на курс и выпускные).

При 3-летнем обучении имелась в виду подготовка агронома узкого профиля, вместо агронома-универсала по грегшему Положению. Со 2-го года обучения студент избирал себе одну из следующих 4 специальностей: земледелие, скотоводство, экономика и лесоводство. При этом лесоводство было не отдельной, самостоятельной специальностью, а дополнительной к сельскохозяйственной специальности, и целью ГЗИ ставилось обучение «молодых людей разных сословий улучшенным способам сельского хозяйства и лесоводства». Окончившие ГЗИ получали дипломы 2-х родов: или со степенью кандидата агрономии, равного по правам университетскому кандидату, или со званием действительного студента агрономии; в дипломах же тех студентов, которые по своему желанию прослушали дополнительный курс лесных наук, к названным степени или званию приписывались слова «и лесоводства».

Специализация по одной из названных отраслей выявлялась на выпускных экзаменах, которые проходили в присутствии представителя МГИ в 2 дня: в один день — по вспомогательным предметам, тесно связанным со специальностью, а в другой день — по специальности, избранной студентом. От экзаменуемого по специальному предмету требовалось теоретическое и практическое знание предмета не только по лекциям преподавателя, но и по важнейшим источникам, доступным для студента. Для получения степени кандидата-агронома надо было получить следующие отметки по четырехбалльной системе (до этого была десятибалльная): по специальному предмету — 4 (отлично), вспомогательным — 3 (хорошо), общим предметам в среднем выводе — не менее 2 (достаточно) и по каждому из них — не менее 1 (посредственно). Отчет по практике 4-го года и «рассуждение» оценивались Советом ГЗИ отметкой «удовлетворительно» [17; 75—77].

Далее приведен учебный план ГЗИ начала 60-х годов.

Сопоставление учебного плана 1859 года с предыдущим планом, действовавшим в 50-е годы, показывает упразднение некоторых предметов, а также сокращение их по числу часов.

Были упразднены: а) сельскохозяйственные и литературные беседы, проводившиеся на 3-м и 4-м курсах раз в неделю; б) логика, которая была введена в учебный план 1848 года, как «краеугольный камень всякого высшего образования»; в) юридические и камеральные науки (русское законодательство, практика судопроизводства, энциклопедия камеральных наук), вызванные проектированием нового судебного устава и нового положения о крестьянах; г) механика, общая и прикладная (оставлялась сельскохозяйственная механика).

Сокращались: а) в 2 раза естественные вспомогательные науки: ботаника, зоология и минералогия — с объединением их в один общий курс естественной истории и с приданием этому курсу сельскохозяйственного уклона; б) в 2 раза иностранный язык с предоставлением выбора или немецкого, или французского; в) черчение на 60%, а если принять во внимание упразднение близкого к черчению рисования, то черчение сократилось в 3 раза, что вызывалось отказом от механической специализации; г) на одну треть физика.

Одновременно с уменьшением многопредметности были включены в учебный план 1859 года два новых предмета: упражнения по составлению сельскохозяйственных планов и проектов и политическая экономия, став-

Учебный план Горыгорецкого земледельческого института в начале 60-х годов (выделены предметы специального курса и указано число часов) [17; 73—74]

1. Математика (preparatory и специальных курсах)	208	16. История и обзор современного состояния сельского хозяйства	32
2. Физика, метеорология и климатология	112	17. Полеводство и луговое хозяйство	160
3. Химия	144	18. Оценка угодий и общие начала оценки	64
4. Естественная история	144	19. Устройство хозяйства, счетоводство и управление имением	80
5. Политическая экономия	64	20. Скотоводство	128
6. Черчение	96	21. Ветеринарные науки	64
7. Закон божий	32	22. Лесные науки и лесная технология:	
8. Русская словесность	80	а) для агрономов,	64
9. Немецкий или французский язык	128	б) для лесоводов	160
10. Съёмка и нивелировка	32	23. Законоведение	48
11. Сельскохозяйственная механика	64	24. Упражнения в составлении проектов	160
12. Сельскохозяйственная архитектура и инженерное искусство	96	Необязательные:	
13. Сельскохозяйственная технология	64	25. Пчеловодство	32
14. Садоводство и огородничество	64	26. Шелководство	16
15. Начальный курс сельского хозяйства	112	27. Сельскохозяйственная статистика	32

шая в дальнейшем постоянной дисциплиной высшей сельскохозяйственной школы (иногда вместе со статистикой). Увеличено было почти в 2 раза число часов по математике (208, вместо 112) с прохождением ее в течение 3 лет с тем, чтобы, как говорилось об этом в особой инструкции, поддерживать у студентов постоянную привычку к вычислениям, встречающимся в хозяйственной практике.

К учебному плану была разработана Ученым комитетом методическая инструкция, в которой предлагалось предметы preparatory курса приспособлять к сельскохозяйственным отраслям, а специальные предметы — к практике [17; 73—75]. По математике, например, рекомендовались задачи из практики по сельскохозяйственной механике, архитектуре, из физики по теплородным явлениям; по черчению рекомендовалось сначала упражняться в черчении от руки обыкновенным пером, затем переходить к линейному черчению сельскохозяйственных машин и орудий и, наконец, к начертанию машин в перспективе по способу проекций и по точкам схода.

Целлинским была составлена по предложению Ученого комитета объяснительная записка к учебному плану, в которой отмечались необходимость сопровождать лекции практическими занятиями и значение этих занятий для преподавателя, студента и окружающего общества [17; 71—73].

Для преподавателя, по словам объяснительной записки, практиче-

ские занятия со студентами служат как бы якорем, предупреждающим от увлечения теорией, укрепляют в правильности тех или других положений и помогают научным опытам и исследованиям. У учащихся практика пробуждает любознательность, развивает хозяйственную сообразительность при составлении смет и планов, обучает их разным приемам и к порядку в работе, а также к оценке работы и труда. Практика в ГЗИ имеет и общественное значение для лиц, занятых сельским хозяйством, которые, видя в учебном заведении образцы улучшенного хозяйства, будут стремиться к введению улучшений и у себя.

В записке Целлинский указывал на важное значение для практики студентов учебной фермы, которая совершенно игнорировалась Положением 1859 года и, по мнению Целлинского, в последнее время потеряла связь с институтом. Он указывал также на необходимость устройства на ферме новых учебно-вспомогательных учреждений: ветеринарной клиники, прудового хозяйства, химической лаборатории, метеорологической обсерватории, механических мастерских и др.

В результате этой записки МГИ в 1861 г. издало Инструкцию о том, что хозяйство фермы должно служить учебным пособием для учащихся ГЗИ и ГЗУ и что ферма, в свою очередь, имела право пользоваться орудиями и инструментами ГЗИ с учебной целью; управляющий фермой становился членом Совета ГЗИ и подчинялся директору.

Штат ГЗИ и ассигнование на него по Положению 1859 года были увеличены, что видно из следующей таблицы.

Таблица 16

Штат профессоров и преподавателей ГЗИ по Положению 1859 года
[23; прилож., 30—33]

Звания	Профессоров	Адъюнкт-профессоров	Преподавателей	Лекторов	Учителей черчения	Лаборантов	Итого
Число лиц	6	5	2	2	1	1	17
Жалованье в год одному (в рублях)	1400	900	800	700	600	500	Всем штатным 17000

Необходимо также иметь в виду, что по Положению 1848 года в ГЗУ не было своих особых учителей и учебные предметы распределялись между институтскими преподавателями, на что ассигновывалось 1000 руб. Положением 1859 года в ГЗУ учреждались три особые штатные учительские должности: два старших учителя с окладом по 720 руб. в год и один младший учитель с окладом 520 руб. Профессора и преподаватели ГЗИ по новому Положению должны были иметь не меньше 8 лекций в неделю, а в ГЗУ могли преподавать только предметы, не занятые штатными учителями.

Профессорско-преподавательский штат, как показывает таблица, увеличился по сравнению со штатом 1848 года в 1,5 раза, а ассигнование на него — более чем в 2 раза. Впервые введено в штатное расписание два лектора французского и немецкого языков, тогда как прежде преподавание одного только немецкого языка распределялось между штатными преподавателями ГЗИ специальных предметов; впервые учреждалась должность лаборанта при химической лаборатории, на содержание которой совместно с метеорологической станцией и физическим кабинетом ассигновывалось 1000 руб., чего раньше не было; вводилось в

штатное расписание ассигнование на издание «Записок ГЗИ» и др.

Всего ассигновано было на ГЗИ и ГЗУ в 1848 году 38580 руб., в 1859 году—60400 руб., из них 51300 руб.—на ГЗИ и особо 9100 руб.—на ГЗУ. Таким образом, общее ассигнование увеличилось более чем в 1,5 раза.

Анализ Положения ГЗИ 1859 года и учебного плана показывает, что под влиянием Муравьева и Валуева было ослаблено общее и естественноведческо-агрономическое образование учащихся путем упразднения и сокращения названных учебных предметов и установления узкой специализации со 2-го года обучения установлением строгого инспекторского надзора за студентами. Благодаря же деятельности Ученого комитета ГЗИ был перестроен из закрытого в открытое учебное заведение, облегчен прием студентов, установлен институт вольнослушателей, упразднены устаревшие дисциплины по законодательству и камеральным наукам, и введена политическая экономия—основная вспомогательная наука, обучение более приближено к современности путем установления для студентов годовой практики в хозяйстве, увеличены штат и ассигнование в связи с повышением значения сельскохозяйственного образования для страны.

Таким образом, несмотря на предвзято-враждебное отношение Муравьева к «теории» Киселева и на его попытку перестроить ГЗИ в интересах помещичьего хозяйства, несмотря на предложение не в меру ретивого министерского ревизора Ламовского «покончить» с институтом, ГЗИ при всех многократных ревизиях показал свою жизнеспособность, приспособившись ко времени по Положению 1859 года, продолжая свою деятельность в области сельскохозяйственной науки и образования. Само МГИ после введения Положения 1859 года признало, что ГЗИ «по устройству своему и средствам может удовлетворять требованиям современной науки в теоретическом и практическом отношениях», и выступило с проектом второй высшей сельскохозяйственной школы, подобной ГЗИ, и с учебно-хозяйственными учреждениями, подобными горьгорским.

В это же самое время (конец 50-х начало 60-х годов), когда МГИ пересматривало систему сельскохозяйственного образования в своем ведомстве и вносило изменения в Положения ГЗИ, ГЗУ, Харьковского земледельческого училища и учебных ферм, МНП также перестраивало как систему общего образования, так и имевшиеся в его ведении Маримонтский институт и кафедры сельского хозяйства в университетах.

Маримонтский институт был перестроен в 1857 году в двух направлениях: во-первых, в нем устанавливалось 3 года обучения (вместо прежних 2 лет) с учебным планом, несколько приближавшим его к высшей сельскохозяйственной школе (увеличено с 6 на 15 число часов по сельскому хозяйству, введена политическая экономия и др.), но в сущности оставлявшим его на положении средней школы, близкой к современному сельскохозяйственному техникуму [78; 118]; во-вторых, ограничивался прием учащихся, и вводилась строгая дисциплина закрытого учебного заведения: директор и инспектор освобождались от преподавания, оставаясь только администраторами, при инспекторе полагалось 6 «дядек», которые, по мнению попечителя Варшавского учебного округа Муханова, «особенно содействовали инспектору и комнатным надзирателям» во время прогулок, экскурсий студентов и т. п. [17; 197—207].

В 1862 году Маримонтский институт был закрыт вследствие политических выступлений учащихся, а вместо него был открыт Институт сель-

ского хозяйства и лесоводства в Люблинской губ., в местечке Пулавах, напомнившим собою Горки и переименованном в Ново-Александрию, отчего институт получил название Ново-Александрийского [17; 208—211].

Перестройка преподавания сельского хозяйства в университетах проходила в связи с составлением особой Комиссией нового университетского устава и была вызвана неудовлетворительностью изучения этого предмета только теоретически, без практики в учебных хозяйствах, которые, как описано выше (гл. IV), не удалось устроить при университетах. Комиссия по университетскому уставу предложила, вместо неоправдавшей себя кафедры сельского хозяйства, ввести кафедру агрохимии, считавшейся некоторыми практиками сельского хозяйства «всенаукой». Это предложение встретило со стороны преподавателей-агрономов в университетах возражения, сопровождавшиеся, в свою очередь, критикой состояния сельскохозяйственного образования в специальной высшей школе и, в частности, в ГЗИ.

Преподаватели Петербургского университета: адъюнкт-профессор А. В. Советов, доценты химик Д. И. Менделеев и минералог П. А. Пузыревский—в совместно подписанном (1862) мнении на предложение Комиссии возражали против замены кафедры сельского хозяйства кафедрой агрохимии, так как, по их мнению, химические процессы в сельскохозяйственных растениях рассматриваются в аналитической химии, а агрохимии, как «отдельного самостоятельного предмета, никогда и нигде не существовало». Защищая преподавание сельского хозяйства в университетах, они утверждали, что «для преподавания агрономии нет приличнее места, как университеты»: только в них основательно изучаются естественные науки, подготавливающие к агрономии, а преподаватель агрономии, общаясь в университете с преподавателями-естественниками, более повышает уровень своего преподавания, чем преподаватель единственного в то время в России земледельческого института (имелся в виду ГЗИ), «забитого в глушь, замкнутого, как в монастырь», куда не достигает живое слово [33; 193—201]. Как бы в подтверждение правильности своего мнения, Советов, Менделеев и Пузыревский выступили в качестве лекторов по агрономии, химии и геогнозии в Вольном университете, организовавшемся в начале 1862 года в Петербурге в зданиях Городской Думы [84 а]. Но лекции в этом университете не удалось доставить надлежащим образом, так как в марте 1862 года он был закрыт по настоянию министра государственных имуществ Муравьева, указавшего, что публичные лекции в Вольном университете опасны для порядка и спокойствия в столице.

Необходимо отметить, что мнение Д. И. Менделеева и А. Советова о несамостоятельности агрохимии как науки и о «забитом в глушь» ГЗИ впоследствии изменилось под воздействием жизни: Менделеев, увидевший успехи агрохимии, признал ее как самостоятельную науку и сам читал лекции по агрохимии на Высших женских курсах в Петербурге [85; 1959, № 2, 135—142], а Советов, убедившись в неудаче ГЗИ после перевода его из «глуши» в столичную обстановку, выражал желание о возобновлении высшей сельскохозяйственной школы именно в этой же «глуши».

Против замены общего курса сельского хозяйства курсом агрохимии выступил и профессор Киевского университета С. М. Ходецкий, указывая на то, что нельзя изгонять из университета сельскохозяйственную науку, не уступающую другим наукам, что замена ее агрохимией; наукой вспомогательной к агрономии, бесполезна и что «непростительно

гасить единственные светильники рационального сельского хозяйства», имеющиеся в университетах при единственном земледельческом институте в Горках [33; 47—52].

Против проекта Комиссии по университетскому уставу решительно возражал профессор сельского хозяйства Дерптского университета А. Петцольдт, разделявший взгляды, высказанные в это время Ю. Либихом, который утверждал, что настоящие сельскохозяйственные знания и практику студент может получить только после изучения теоретических курсов, лучше всего поставленных в университете, и что в сельскохозяйственных институтах снижается уровень теории из-за приспособления ее к практике [11; 540—45]. По мнению Петцольдта, кафедры сельского хозяйства в университетах могут поставлять «основательно образованных управителей имениями», так как сельское хозяйство — это применение естественных наук на практике, а высшие сельскохозяйственные школы не в состоянии передать все истинное теоретическое «знание» и практическое «умение». Поэтому Петцольдт предлагал закрыть сельскохозяйственные институты, как вредные, а сельскохозяйственное обучение перенести в университеты [89; 1863, № 2, 177—78].

Высказывания против специального высшего сельскохозяйственного образования, собственно, против ГЗИ не могли не остановить внимания Ученого комитета МГИ, который и поместил в «Журнале МГИ» статью «Нужны ли высшие сельскохозяйственные учебные заведения?», где показал несостоятельность взглядов Либиха, Петцольдта и других [89; 1863, № 2].

Неправильно, говорится в статье, мнение, что сельское хозяйство — это применение на практике только естественных наук: в сельском хозяйстве нужны и экономические знания. Несостоятелен также взгляд, что единственный путь высшего сельскохозяйственного образования только через университет, так как этот путь для богатых и людей с силой воли и настойчивостью, необходимыми для того, чтобы после университета еще изучать сельскохозяйственные науки, да и нельзя всех вести от теории к практике, а не наоборот. Далее отмечаются недостатки преподавания сельского хозяйства в университетах: лекции по этому предмету «не могут похвалиться числом и постоянством их слушателей», мало чего получал студент от профессора, на которого возложены разнообразные и обширные предметы, входящие в курс сельского хозяйства. Петцольдт, например, как профессор сельского хозяйства читал 6 курсов: учение о почве, скотоводство, сельскохозяйственную экономику, луговое хозяйство, лесоводство и технологию; читал без практики, без учебного хозяйства. Для нормального преподавания сельского хозяйства необходимо было бы устройство при университете сельскохозяйственного отделения, а затем и факультета, наподобие медицинского, но это внесло бы разлад в строй университета, который, по словам статьи, «всегда чуждался утилитарных наук, а если и допускал их, то не более, как с целью по возможности восполнить недостаток особых специальных заведений». Ведь нет же в университете факультетов горных, инженерных, лесных и т. п.

В статье делается вывод, что высшие сельскохозяйственные учебные заведения нужны, что они должны удовлетворять требованиям как теоретической науки, так и практики, что сочетать хотя и трудно, но необходимо и что вопрос о высшей сельскохозяйственной школе в сущности есть вопрос о всяком высшем профессиональном образовании —

должно ли оно проходить через университет или же через особое специальное учебное заведение.

Вскоре появилась в «Журнале МГИ» заметка «По вопросу о высшем сельскохозяйственном образовании» А. С. Ершова, профессора Московского университета и директора Московского ремесленного учебного заведения (1863 г., № 4). Считая, что необходимы отдельные специальные высшие школы, Ершов писал: «Излишне входить в подробное рассмотрение того, нужны ли нам высшие сельскохозяйственные учебные заведения. Специальное и основательное изучение всякого дела очень нужно и если есть высшие школы для изучения артиллерийского искусства, то почему же не быть школам для изучения сельского хозяйства». Вместе с тем Ершов высказывается за политехнизацию средней школы, чтобы в высшем специальном учебном заведении не начинать с азбуки естественных наук и с элементов химии и механики.

Выступления университетских преподавателей не встретили поддержки и в МНП.

Н. И. Пирогов, член Главного правления училищ при МНП, а перед этим (1858—1861) попечитель Киевского учебного округа, в своем отзыве на проект университетского устава отметил, что университетские кафедры сельского хозяйства и технологии «влачат жалкое существование». «Я говорю жалкое, — писал Пирогов, — потому что преподавание этих двух наук (агрономии и технологии) вне особенных специальных учреждений (институтов) в настоящее время немыслимо; преподаваемые же в наших университетах при ничтожных вспомогательных средствах агрономия и технология представляются не науками, а пародиями на науки» [33; 5—6—37; 363—364].

Поэтому и Комиссия по университетскому уставу отвергла предложение университетских преподавателей о сохранении в университетах кафедры сельского хозяйства и упразднила ее по следующим мотивам:

«Введение их (т. е. утилитарных наук: строительного искусства, сельского хозяйства, технологии) требует обширных практических занятий и таких значительных материальных средств, какими вообще не обладают университеты. Если же предположить, что кафедры сельского хозяйства и технологии обставлены со всевозможной роскошью, то сколько потребуются времени для одновременного и основательного занятия всеми естественными науками, с одной стороны, и утилитарными, с другой. К тому же основательное изучение сельского хозяйства требует знакомства с науками политическими, как-то: политической экономией, наукою о финансах и статистикою; а возможно ли требовать от студентов физико-математического факультета, чтобы они занимались и этим?» [89; 1863 г., № 2, 189].

Вместо сельского хозяйства, на физико-математическом факультете была введена агрономическая химия.

На это решение Комиссии по университетскому уставу 1863 года, несомненно, оказало влияние состояние сельскохозяйственного образования в ГЗИ, хотя и «забитого», по выражению петербургских профессоров, в белорусскую глушь, но проявившего за свое первое десятилетие жизнеспособность и имевшего все преимущества перед кафедрой сельского хозяйства в университетах.

В мае 1860 года директором ГЗИ был назначен Р. Э. Траутфеттер (1808—1888), игравший значительную роль в последние годы ГЗИ. Профессор ботаники Киевского университета и его же ректор с 1847 года Траутфеттер был отстранен в 1859 году попечителем Киевского учебного

округа Н. И. Пироговым от ректорства, как представитель консервативной партии среди университетских профессоров. О Траутфеттере как ректоре и о его удалении с этой должности рассказывает один из его современников, профессор Киевского университета А. В. Романович-Славатинский следующее: «Это был человек чисто академического воззрения на задачи ректора... Пирогов не мог симпатизировать Траутфеттеру. Последний был глубоко консервативен и боялся новшеств. У Пирогова была натура прогрессивная, жаждущая реформ. Понятно, почему его потянуло к Бунге—главе университетской прогрессивной партии, и он задумал сделать его главой университета». Вместе с тем Романович-Славатинский считал, что Пирогов, отстранив Траутфеттера от ректорства, поступил несправедливо, так как Траутфеттер, по его мнению, был одним из лучших ректоров Киевского университета, умевшим в «темную пору» управлять университетом с большим тактом и заслужившим «занять видную страницу не только в истории Киевского университета, но и в истории русского народного просвещения» [83; 610 и 187—189].

По словам другого современника О. М. Новицкого, Траутфеттер по своему характеру, по точной служебной исполнительности проявлял свое немецкое происхождение (он был из прибалтийских немцев) и «при исполнении своей должности слишком увлекался формализмом».

Историк Киевского университета Владимирский-Буданов приходит к выводу, что хотя при ректорстве Траутфеттера и преобладали в Совете университета немцы, но не было вреда от такого преобладания, т. е. не было предоставления выгод одним и умаления прав других [44-в; 547].

Имея сведения о Траутфеттере и его управлении Киевским университетом, Муравьев и Валуев назначили его директором ГЗИ в надежде, что он, как консерватор и опытный администратор высшей школы, сумеет уберечь студентов ГЗИ от увлечения освободительным движением и в то же время, как ученый ботаник, организатор в Киеве ботанического сада и оранжереи [19; 72—73], повысит авторитет ГЗИ.

Между тем надежда на Траутфеттера как на охранителя ГЗИ от революционных влияний не оправдалась. Сам Траутфеттер, как и некоторые другие консерваторы, оказался захваченным потоком освободительных идей и проявил себя в административно-педагогической деятельности в последние годы ГЗИ, как либерал.

Большое влияние на перемену взглядов оказала прежде всего новая среда, отличная от той, в которой он находился в Киеве: преподаватели ГЗИ, увлеченные освободительным движением, малосостоятельная, по сравнению с Киевом, учащаяся молодежь, уже проявлявшая себя в выступлениях и, наконец, крестьянская беднота, жившая вокруг ГЗИ.

Поддействовали на Траутфеттера также и новые педагогические идеи в связи с теми обстоятельствами, при которых он ушел из Киевского университета. Назначение попечителем Киевского учебного округа Н. И. Пирогова, выдающегося хирурга и пропагандиста, в статье «Вопросы жизни» новых гуманистических принципов в педагогике, а затем деятельность самого Пирогова как попечителя (1858—1861), в соответствии с высказанными принципами, воспринимались Траутфеттером как поворот МНП в образовательной и воспитательной политике к новым педагогическим принципам, вызванным освободительным движением и нашедшим отражение в названной статье Пирогова. Деятельность же

Пирогова как попечителя характеризовалась гуманным обращением с учащимися г. Киева, сближением с ними на литературно-научных беседах, защитой их от произвола и капризов преподавателей и полиции, отстаиванием отмены сословных и национальных ограничений при обучении и т. п. Обращаясь к учащимся при уходе с должности попечителя, Пирогов сказал о своей деятельности следующее: «Я не приказывал, а убеждал, потому что заботился не о внешности, а о чувстве долга. Для меня все вы одинаково равны, без различия ваших национальностей» [64; 257—282—96; 81—94]. Сближаясь с учащимися, Пирогов в то же время держал себя полунезависимо от Киевского генерал-губернатора И. И. Васильчикова, который, считая, что Пирогов «распустил» учащихся, что он—пример того, как великий ученый и мыслитель может быть плохим педагогом и администратором, настоял на удалении Пирогова с должности попечителя [98-а; 107—109]. Пирогов был причислен к МНП в качестве члена Главного правления училищ.

Педагогические взгляды и деятельность Пирогова оказали влияние на административно-педагогическую деятельность Траутфеттера в ГЗИ, в чем он сам признался, анализируя эту деятельность.

«Я определен был,—писал Траутфеттер,—директором Горыгорецкого института в 1860 году. При управлении Горыгорецкими заведениями принято было по всем частям самое гуманное направление. Согласно тому я действовал на воспитанников не утешением, а убеждением, не наказанием, а любовью, не строгостью, а справедливостью. При этом я не делал никакого различия между воспитанниками по их происхождению: не отличая ни в чем воспитанника русского от воспитанника поляка, воспитанника из дворян от товарища из прежних крепостных крестьян, я старался всеми силами слить их в одно. Я избегал возглашать порывы превратного патриотизма или смешного высокомерия, высказывающиеся иногда среди вверенного мне юношества. Если приходилось взыскивать за подобные поступки, я рад был возможности облечь дело формою, которая ставила на стороне народность и сословия. При этом я имел в виду, что прямое прикосновение к ране болит и не содействует ее заживанию, а замедляет таковое. Я считал обязанностью избегать по возможности введения каких-либо мер, обязательных не для всех, а только для русских или только для поляков и т. д. [74; 235].

Данное самопризнание Траутфеттера о том, что он, выражая «самое гуманное направление» своего времени, действовал на учащихся не страхом и наказанием, а убеждением и относился одинаково к учащимся без различия их национальности и происхождения; это самопризнание совпадает с приведенными педагогическими взглядами Пирогова. Разница только в том, что действия Траутфеттера исходили из его формализма, из его стремления «облечь дело формою» и из «радости» при такой возможности, тогда как подобные же действия Пирогова имели целью вызвать у учащихся убежденность и чувство долга.

Самопризнание указывает также на те принципы, которых придерживались не только Траутфеттер, но и зависевшие от него инспектор и надзиратели.

После назначения Траутфеттера вскоре сменилось и министерское руководство ГЗИ. В апреле 1861 года из МГИ ушел Валуев, не достигнув согласованности в работе с Муравьевым, которого он определил как «жалкого министра с жалкой системой» и которому, по его мнению, не место на министерском посту [107 д; 148]. Член Совета при министре К. Н. Лебедев также характеризовал Муравьева как министра неуравновешенного, порывистого, озлобленного на своего предшественника. Лебедев считал для себя наказанием присутствовать на Совете у Муравьева, который постоянно насыщал свою речь такими словами, как «киселевщина, вздор, дрянь, бумагомарание и т. п.» [105-е; 366—67].

Не желая быть «чернорабочим» у Муравьева (так называл себя Валуев в «Дневнике») и стремясь к более высокой карьере, Валуев, как участник «Редакционных комиссий» по крестьянской реформе, выдвинулся на пост министра внутренних дел.

Вместо него, директором департамента сельского хозяйства и председателем Ученого комитета был назначен Д. Д. Неелов (1819—1890), артиллерист по образованию, смоленский помещик. При этом назначении некоторое значение имели его статьи «Что должно разуметь под рациональным сельским хозяйством?» и «О личном и общинном владении землей», помещенные в «Русском вестнике» за 1857 г. (№ 5) и 1858 г. (№ 7—8). В этих статьях, привлечших внимание Муравьева, [107 в], Неелов доказывал необходимость в интересах помещиков личного, а не общинного землевладения и высказывался за трехполье как рациональную систему сельского хозяйства, которое должно быть коммерческим хозяйством, приносящим наибольший чистый барыш помещику и крестьянам. Несостоятельность многополья Неелов доказывал на примере Смоленской губ., где улучшенные хозяйства появились по прихоти помещика как слабые усилия выйти из затруднительного положения, но от этих улучшений «иногда страдают крестьяне, которые с их тощими лошадьми и дурными сохами с трудом поднимают землю после клевера».

К сельскохозяйственной науке Неелов относился скептически. «При всем богатстве знаний, которое науки принесли на пользу сельского хозяйства, — писал он, — оно все еще включает в себе столько неопределенных условий, что в строгом смысле еще и самая наука сельского хозяйства далека от рациональности».

Очень малозначительны, по его мнению, результаты опытных и учебных сельскохозяйственных заведений, русских и иностранных: опыты Тэера и Буссенго, Гогенгеймская школа в Германии, Версальский агрономический институт во Франции, ГЗИ в России—все это «весьма редкие точки, в которых только делаются попытки научно-рационального сельского хозяйства; действительное же хозяйство этих стран все еще следует установившейся рутине». Чтобы сделать хозяйство рациональным в научном отношении, по мнению Неелова, необходимо быть физиологом, химиком, механиком, а еще больше—хорошим администратором.

Не удовлетворяла Неелова система образования в сельскохозяйственных учебных заведениях, в которых, по его мнению, следует обучать сельскому хозяйству помещиков, так как они в большинстве случаев, получившие или в военной школе, или в гимназии и университете и не получив сельскохозяйственных знаний, возвращаются после долгой военной или другой службы в имение и должны начинать теорию сельского хозяйства с азбуки.

Таковы взгляды Неелова, директора департамента и председателя Ученого комитета (1861—1873), которые разделялись Муравьевым и его преемником Зеленым и нашли отражение в их деятельности, связанной с ГЗИ.

В августе 1861 года Неелов ревизовал ГЗИ и нашел, что обстановка в Горках подходит больше для земледельческого училища, а не для института, что ГЗИ «прозябает», что студенты ГЗИ пренебрегают непосредственными земледельческими работами и оказывают влияние на учащихся других учебных заведений, находящихся при ГЗИ [74; 232]. Следует отметить, что влияние студентов ГЗИ на других горьких учеников действительно было и не только внешнее, в одежде,

что заметил Неелов, но и влияние научно-идейное, которое поддерживалось и руководством ГЗИ до Валуева. Так, в 1856/57 учебном году следующие студенты 4-го курса, «отличающиеся особою способностью к педагогической деятельности», читали в присутствии директора и преподавателей ученикам земледельческого училища и учебной фермы лекции на сельскохозяйственные темы: Псиол—цель обработки почвы, Смирнов—минеральные части почвы, Фальков—кормление животных, Загоротько—удобрение почв в средней и северной полосах России [92; кн. 6].

Перестроив Положение ГЗИ и руководство как департаментом сельского хозяйства (Валуев и Неелов, вместо Заблоцкого), так и самим ГЗИ (Траутфеттер, вместо Война-Курина), Муравьев не оставил без изменений и педагогический состав ГЗИ.

В 1860 г. был отстранен от работы адъюнкт-профессор ГЗИ и управляющий учебной фермой Б. Г. Михельсон, в течение 20 лет способствовавший организации и развитию ГЗИ. Его удаление связано с намеченной Муравьевым реорганизацией на коммерческих началах всех учебных ферм, в том числе и Горькой. Муравьев при его крепостнических взглядах на крестьянина как на рабочего и батрака в помещичьем хозяйстве не мог мириться с тем антикрепостническим направлением, которое установилось на Горькой учебной ферме благодаря связи ее с ГЗИ и благодаря руководству фермой Михельсона.

Сын крестьянина, ближе чем другие преподаватели ГЗИ соприкасавшиеся по роду своей работы с крестьянами, окружавшими ГЗИ, Михельсон признавал, как уже указывалось, необходимость коренного переустройства крестьянского хозяйства и разделял мысли Заблоцкого о необходимости одновременно с развитием сельскохозяйственной науки и высшего образования распространять просвещение среди крестьян, пробуждать их умственные силы, их сознательность при помощи естественных исторических знаний, пропагандировавшихся через Ученый комитет Заблоцким и Одоевским, а не при помощи церковной грамотности, насаждавшейся МОСХ.

Кроме того, Михельсон учитывал значение учебной фермы и опытного поля для развития научно-исследовательской стороны ГЗИ и не одобрял министерского проекта с перестройке Горькой учебной фермы по образцу помещичьего коммерческого хозяйства.

Зная о непримиримо-отрицательном отношении Муравьева к его деятельности в ГЗИ, Михельсон вынужден был просить об освобождении от работы «по болезни» [2; № 147, 1860]. «Болезнь» эта была формальным предлогом к оставлению службы, так как известно, что после ухода из Горькой Михельсон, проживая в с. Смеле, Черкасского уезда, Киевской губ., продолжал 27 лет свою сельскохозяйственную деятельность и не раз привлекался МГИ в качестве консультанта по устройству учебного хозяйства при Петровской земледельческой академии.

Вместо Михельсона, управляющим учебной фермой был назначен П. М. Юревич, окончивший высший разряд ГЗШ и управлявший перед этим самарской учебной фермой.

Не проявило МГИ заинтересованности в сохранении в ГЗИ молодых профессоров Ф. Н. Королева, ушедшего в 1858 г. в Москву профессором Ремесленного училища, и А. В. Советова, ушедшего в 1859 г. в Петербург профессором университета. В то же время в ГЗИ были зачислены новые профессора.

Лаборантом химической лаборатории был назначен М. М. Кублиц,

Таблица 17
Профессора, зачисленные в ГЗИ в 1859/61 годы
[2; 1859—№ 81, 1860—№ 123, 1861—№ 142]

Фамилия	Год рождения	Окончил университет	Специальность	После 1863 г.
Алексеев В. П.	1830	Харьковский	Математика, геодезия	За штатом
Балаион Э. Э.	1818	Казанский	Зоология, энтомология	Петербургский земледельческий институт
Тютчев И. А.	1834	Петербургский	Химия	Киевский университет
Янсон Ю. Э.	1835	Киевский	Политическая экономия, статистика	Петербургский земледельческий институт

швейцарский подданный, в звании провизора, которое он получил от медицинского факультета Дерптского университета.

Инспектором в ГЗИ был определен в 1860 г. Ю. Ф. Ган, бывший перед этим с 1840 г. помощником инспектора в Петербургском университете, немец, плохо писавший по-русски, штабс-капитан в отставке.

Положение 1859 г. в ГЗИ действовало в течение 3 лет (1860—1863), до перевода института в Петербург. Из прежних молодых преподавателей ГЗИ в эти годы большую деятельность, педагогическую и общественную, проявил А. И. Стебут, утвержденный в 1860 году младшим профессором земледелия.

По инициативе Стебута в 1861 г. Ученый комитет МГИ внес изменение в отчетность по агрономическим путешествиям: отчет по путешествию должен был представляться не руководителем-преподавателем, а студентами-участниками экскурсии. Отчеты руководителей, по словам министерского распоряжения, «лишены современных интересов и не содействуют учебной цели»; при составлении же отчетов по путешествию самими студентами пользы для них от экскурсии будет больше [2; д. 159, 1861].

Впервые такая отчетность была дана четырьмя студентами по агропутешествию, проведенному ими в 1861 г. под руководством Стебута в Могилевской губ. Каждому из четырех студентов для отчета Стебутом был выделен особый объект наблюдений.

О характере студенческих отчетов по агропутешествию можно судить по содержанию отчетов двух студентов Б. Стржеминского и Г. Чуйкевича по путешествию под руководством Стебута в имения помещиков Оршанского и Копысского уездов, Могилевской губ. [2; д. 159, 1861].

Стржеминский в своем отчете дает обобщающий очерк белорусских хозяйств на основании посещенных имений. Отмечая их плохое состояние, он объясняет это как общими причинами: крепостным правом, барщиной и неразлучной с нею ленностью, так и частными: несовершенством земледельческих орудий, недостатком лугов, незнанием правил полеводства (гречиху сеют рано, овес — позже, что должно быть наоборот), нерасчетливостью в кормлении скота. Это причины плохого состояния хозяйства крестьянского и помещичьего. Для обработки почвы употребляется белорусская соха, негодная для углубления почвы и перепаливания навоза и способная только разрыхлять почву и прикрывать семена; боронуется почва деревянной бороной в мокрое время, что способствует прорастанию сорных трав.

Стржеминский высказывает пожелания о заведении в помещичьих имениях выгонного полевого хозяйства или о разделении полей на внутренние с правильным севооборотом и внешние — с выгоном или посевом кормовых трав, а также употреблять рабочую силу после перехода крестьян на положение батраков (писано в 1862 году) в одной какой-либо работе, а не разбрасывать работников одновременно по многим местам, что вызывает напрасную трату рабочей силы.

Чуйкевич описывает полевое хозяйство помещика Василевского Городню, около Орши. В имении трехполье, обработка земли ведется белорусской сохой и деревянной бороной, технических заведений нет, рогатый скот в аренде у еврея, в лучшем состоянии луговое хозяйство (100—150 пудов сена с десятины), так как луга расположены по реке.

Вместе с описанием хозяйства Чуйкевич касается отношения помещиков к сельскохозяйственной науке. По его мнению, помещики не верят в науку, не интересуются научными, рациональными правилами ведения хозяйства, а придерживаются пословицы «так делали наши предки, так делаем и мы». Василевский, по словам Чуйкевича, считал для себя неприличным хотя бы немного поучиться хозяйству, а сельскохозяйственную науку — вредной. По мнению Василевского, почва, 8 лет перед этим удобренная мергелем, настолько испорчена, что вызывает все неудачи в его хозяйстве. Попытки Стебута и студентов разубедить Василевского в этом мнении были напрасны. Василевский и его сосед помещик Хлюдинский ни разу не бывали в ГЗИ и знали о его существовании только по слухам, хотя ГЗИ находился от них в 30—40 верстах.

Хотя с научной стороны имение Василевского, как и других помещиков Оршанского уезда, представляло, по словам Чуйкевича, мало интересного, но в то же время было показательным существование вблизи ГЗИ еще такого упорного консерватизма и в хозяйстве, и в отношении к науке.

Отчеты студентов по агропутешествиям отличались от отчетов преподавателей краткостью и ограниченностью объекта рассмотрения, но польза от них для самих студентов была очевидна.

В 1861 г. Стебут подал в Совет ГЗИ докладную записку о необходимости оставлять при ГЗИ окончивших институт для подготовки преподавателей сельского хозяйства, недостающих для университетов и открывавшейся Петровской земледельческой академии. Записка Стебута получила поддержку в Совете ГЗИ и в Ученом комитете [2; № 148, 1861 г.]. В результате этого, окончивший в 1861 году ГЗИ А. П. Людоговский по рекомендации Стебута стал готовиться к профессуре в Петровскую академию. Он был направлен преподавателем сельского хозяйства в Московскую земледельческую школу с поручением изучить Московскую губернию с сельскохозяйственной стороны. В 1863 г. в «Московских ведомостях» появились собранные Людоговским «Материалы для сельскохозяйственного описания Московской губ.» (№ 31—34, 37, 38, 51—60), вошедшие затем в «Сборник материалов для изучения Москвы и Московской губ.» (М., 1864, вып. 1) [Рус. биографич. словарь, СПб, 1904].

В январе 1861 года Стебут прочел в ГЗИ вступительную лекцию к своему курсу по растениеводству. Лекция 28-летнего начинающего профессора, выращенного ГЗИ, показывает уровень его преподавания, а вместе с тем то состояние сельскохозяйственной науки, в каком она находилась в начале 60-х годов. Далее приводится краткое содержание этой лекции на тему «О науке сельского хозяйства и сельскохозяйственном образовании» [95-б].

Приступая к лекции, Стебут объявил себя врагом всяких вступлений, в которых рисуются преподавателем обычно «красивые аллеи и великодушные перспективы» от изучения данного курса, но после которых при самом изучении предмета зачастую открываются «скверные лачужки». Целью своей первой лекции он ставил: дать краткий пропедевтический курс, подготавливающий к более основательному, глубокому, серьезному изучению сельского хозяйства.

Начал лекцию Стебут с классификации наук, в основу которой положил три различные потребности человека, взаимосвязанные между собой: хозяйственно-материальные и зависящие от них общественные и духовные. Исследованием законов, которым подчиняются хозяйственно-материальные потребности и связанная с ними деятельность человека, занимается политическая экономия. Сельскохозяйственное производство состоит из трех элементов: природа, труд (умственный и физический) и капитал. «Состояние сельскохозяйственной промышленности, по мнению Стебута, есть результат известных условий: климата, почвы, государственной организации, а потому прямо действовать на изменения в ней нельзя, но следует изменить условия, и тогда состояние сельскохозяйственной промышленности изменится само собою». Препятствием для развития сельского хозяйства был крепостной труд. «С уничтожением крепостного труда, с уничтожением этого препятствовавшего условия, мы в праве ожидать, — говорил Стебут, — улучшений в сельском хозяйстве».

Говоря о сельскохозяйственной науке, Стебут указывал на законность ее существования среди других наук и отвергал непризнание этой науки некоторыми практиками. Стебут сравнивал сельскохозяйственную науку с медициной; обе они основываются на опыте и еще многое не могут научно объяснить. Кроме того, как медицина в процессе своего развития способствовала возникновению и развитию таких наук, как анатомия и физиология человека и животного, так сельское хозяйство было источником химии и физиологии растений и животных. В то же время сельскохозяйственная наука только слагается и молода, она стала наукой только тогда, когда науки, служащие ей основой, достигли своего развития. Стебут отмечает, что значительному развитию рациональности в сельском хозяйстве способствовали идеи и события второй половины XVIII века (имеется в виду французская революция 1789 года). Для дальнейшего развития сельскохозяйственной науки, по его мнению, нужны сельскохозяйственные опыты, которые могут проводиться в специальных учебных заведениях и опытных станциях. К сельскохозяйственной науке Стебут относит следующие ее разделы: 1) фитотехнику (почвоведение, питание растений, удобрение), 2) земледелие (луговое хозяйство, полеводство, огородничество), 3) лесоводство и садоводство, 4) зоотехнику или скотоводство и 5) сельскохозяйственную экономию. Инженерные же науки по сельскохозяйственным орудиям и машинам, архитектуре, технологии, а также ветеринария, хотя и близки к сельскому хозяйству, но должны быть отнесены к особой специальности. Отсутствие специалистов по этим отраслям знания Стебут считает «большим недостатком нашей хозяйственной жизни», выходом из которого может быть подготовка соответствующих специалистов. Стебут замечает два характерных явления в развитии современной ему научной мысли: с одной стороны, «увеличивающееся дробление» научных дисциплин, а с другой, — «увеличивающаяся связь между отдельными отраслями человеческого знания». «Было время, — говорил он, — когда каждый изучал свою науку независимо от другой, оттого успехи были незначительны; наступило время и все

науки подали руки одна другой и пошли дружно к одной цели — усовершенствованию человека. Перед наукою человечество явилось одним человеком».

Для правильной постановки высшего сельскохозяйственного образования, по словам Стебута, необходимы хорошая общеобразовательная подготовка, основательность изучения дисциплин и самостоятельность при их изучении.

Специальность, говорит Стебут, это частный случай общеобразовательных знаний, поэтому для выработки хорошего специалиста нужна хорошая основа, хорошее общее развитие и образование.

Всякая специальность, в том числе и сельскохозяйственная, требует основательных знаний. Стебут, не раз повторяя, что полужнание опаснее неведения, что лучше меньше, но основательнее, не мог помириться с тем, что для подготовки врача, филолога, богослова отводится 5—6 лет, а для подготовки агронома — 2—3 года. Объясняет он это явление недооценкой правительством сельскохозяйственного образования и считает, что для основательной подготовки агронома требуется также не меньше пяти лет, хотя «к несчастью, у нас на это смотрят совершенно иначе».

Студентов Стебут призывал к практическому образованию, к самостоятельности при наблюдениях и изучении сельского хозяйства: «книги и лекции имеют значение лишь при непосредственном и самостоятельном участии во всем, что совершается в хозяйстве». Здесь Стебут счел необходимым отметить, что практическое сельскохозяйственное образование возможно только в таком агрономическом заведении, которое может предоставить всем учащимся возможность учиться практическим работам в хозяйстве, построенном на коммерческой основе.

«Ходите почаще в хозяйство фермы, которое даст вам возможность познакомиться с предметом хозяйства и тем значительно облегчит вам слушание лекций, — заканчивал Стебут свою лекцию. — Наша цель показать вам всем важность теории для практики, развить у вас охоту к самостоятельному наблюдению... и снабдить вас практическими сведениями, применимыми к делу». Дальнейшие занятия по своему курсу Стебут обещал проводить в форме бесед.

Вступительная лекция Стебута в ГЗИ, являясь кратким пропедевтическим курсом к сельскому хозяйству, выделяется из обычных вступительных лекций логичностью построения и важностью многих высказанных положений.

Начав с классификации наук, с определения места сельскохозяйственной науки среди других наук, Стебут этим указывал своим слушателям на то почетное место, которое должен занимать агроном в общечеловеческой культуре, в культуре окружающей природы — возделывании растительного царства. Не называя никаких ученых, никаких руководств и учебников, носивших, по его словам, рецептурный характер, Стебут призвал слушателей к изучению единственного первоисточника — это самого хозяйства и, в частности, учебного хозяйства. Этот призыв был излюбленным педагогическим приемом Стебута и в дальнейшей его деятельности в Петровской земледельческой академии, окончивших которую он звал прежде всего изучать окружающую природу, почву, климат, условия труда, вырабатывать у себя тонкую наблюдательность — сельскохозяйственную зоркость [91-а; 22—33]. Постоянной формой занятий Стебута со студентами были сельскохозяйственные беседы, хотя и упраздненные Положением 1859 года, но устраивавшиеся Стебутом как в ГЗИ, так и в Петровской академии.

Сопоставляя и сближая агрономию и медицину, как опытные науки, Стебут стремился поднять сельскохозяйственную науку на более высокое положение и привлечь к ней молодежь, которая в это время начала особенно увлекаться медициной.

Существенны философские рассуждения Стебута о дифференциации — дроблении наук и о необходимости их согласованности и объединения для получения от них более успешных и плодотворных результатов.

Говоря о необходимости 5 лет для подготовки агронома в высшей сельскохозяйственной школе, Стебут выражал мнение и других преподавателей ГЗИ и, таким образом, осудил Муравьева, заменившего срок обучения в ГЗИ с 4 на 3 года.

Забота Стебута о подготовке в ГЗИ преподавателей сельского хозяйства для университетов и Петровской академии, его инициатива по введению отчетности об агропутешествиях самими студентами, его лекция «О науке сельского хозяйства и сельскохозяйственном образовании», его общественная деятельность — все это свидетельствовало, что ГЗИ сумел вырастить в своих стенах незаурядного, выдающегося профессора, выдвигавшего и глубоко разрешавшего вопросы, связанные с деятельностью ГЗИ, и становившегося достойным преемником профессора Целлинского. Вскоре Стебут выдвинулся как один из главных организаторов Петровской академии и выдающийся ее профессор.

В начале 60-х годов в ГЗИ велись и научные исследования. В этом отношении следует отметить труды профессора Целлинского: «Руководство для преподавания земледелия в духовных семинариях» (1860), «Разбор сочинения Пузанова «О земледелии и скотоводстве в России» (1863); профессора Шмидта — «Химико-физиологические основания земледелия и скотоводства», СПб, 1867, стр. 676.

«Руководство для преподавания земледелия» Целлинского хотя и предназначалось для духовных семинарий, но и по своему объему (862 страницы), и по специфичности отдельных тем, недоступных семинаристам без естествоведческой подготовки, выходило за пределы своего назначения. Оно в сущности являлось первым практическим руководством по сельскому хозяйству и для сельскохозяйственной школы, и для практиков-агрономов, так как имевшиеся до этого времени курсы по сельскому хозяйству Усова, Павлова (1837), Шелехова (1843), Тэера и переводе Маслова (1835) носили по преимуществу теоретический характер и не удовлетворяли запросов школы и практики.

В «Руководстве» Целлинского содержится часть всего намеченного к изданию курса по сельскому хозяйству и именно растениеводство с разделами: климат, почва, удобрение, разведение растений. В главах, например, о разведении полевых растений рассматриваются: воспроизводительные способности семени и почки; видоизменение, облагораживание и перерождение растений; улучшение, испытание, отбор и очистка семян; рядовое возделывание для получения лучших семян; новые и старые семена; количество семян для засева данного пространства; влияние разных животных, в особенности инфузорий, на меру высеваемых семян; посевная пора; смешанные посевы и так называемые подсевы и т. д.

«Руководство» Целлинского получило благоприятные отзывы в печати. Неизвестный рецензент в газете «Народное богатство» (1862, № 5) рекомендует лицам, занимающимся сельским хозяйством, «запасться

этой дельной книгой, чтобы почерпнуть нужные и полезные каждому земледельцу указания науки русского земледелия».

Одним из лучших разделов «Руководства» рецензент считает главы о почвах, где описаны химические свойства почв и их использование, чего до этого времени не имелось ни в русских, ни в иностранных курсах по сельскому хозяйству. Говоря положительно о «Руководстве» Целлинского, рецензент попутно отозвался и об учениках Целлинского, окончивших ГЗИ, как о сведущих агрономах.

Он пишет: «Попробуйте вывести на поле ученого агронома и спрашивайте его так, из любопытства, какая это почва, которая перед вами, что на нее сеют и лучше ли почва или хуже смежной. Если этот ученый агроном не будет случайно последователем Горького школы, он вас отошлет в химическую лабораторию, уверяя, что по наружному виду никак нельзя оценить почвы, и, чтобы не высказать своей несостоятельности, скажет вам, пожалуй, что это почва суглинисто-песчаная, песчано-суглинистая и т. д. В сочинении проф. Целлинского вы найдете совершенно другое».

Иначе отнесся к «Руководству» Целлинского другой рецензент, скрывшийся под инициалами Н. Г. В «Трудах Вольного экономического общества» (1863, т. II, вып. I) Н. Г. находит ряд недостатков в «Руководстве»: совершенно отсутствуют вопросы сельскохозяйственной экономики и земледельческой механики; недостаточное внимание минеральной теории питания растений; неправилен, по мнению рецензента, взгляд Целлинского, что широколиственные растения (гречиха, клевер) менее истощают почву, чем узколистные (рожь, пшеница); не указана разная температура в разные периоды развития растения и т. п. Не нравился Н. Г. способ изложения в «Руководстве», в особенности некоторые библейские изречения, вроде «кто не работает, тот не ест», подкреплявшие рассуждения Целлинского о том, что сельскохозяйственная наука по своей природе отвергает эксплуатацию человека—«всякий помыеел жить на счет другого». Но в то же время и этот рецензент признает, что некоторые разделы «Руководства», как например об удобрении, разработаны обстоятельно и хорошо и что книга Целлинского не бесполезна для хозяев, так как в ней много сведений из русского хозяйства, а автор «знаком с практическим земледелием и старался изучить и объяснить его теоретическими выводами».

«Руководство», составленное в результате обработки лекций, читанных Целлинским в ГЗИ, является ценным документом для характеристики состояния преподавания одного из специальных предметов в ГЗИ и в свое время было также книгой, распространявшей сельскохозяйственные знания и популяризовавшей ГЗИ.

Второй труд «Разбор сочинения М. Пузанова «О земледелии и скотоводстве в России» (1862) был составлен Целлинским по предложению Академии наук в связи с представлением в Академию Пузановым названного сочинения на получение Демидовской премии [104-а].

Пузанов в своей книге показывал, что земледелие и скотоводство в России стоят очень низко и что главные причины такого состояния — это подражание иностранцам, неприменимость заграничных теорий для России, отчужденность сельскохозяйственной науки от современности и недоверие к этой науке, остановившейся в своем развитии.

«Разбор сочинения Пузанова» был направлен Целлинским на защиту сельскохозяйственной науки и против теоретических рассуждений Пузанова, не подкрепленных практическими наблюдениями.

Отвергая отрицание Пузановым иностранных сельскохозяйственных теорий и требование им иной сельскохозяйственной науки для России,

Целлинский указывал, что сельскохозяйственная наука, служащая материальным нуждам человека, интернациональна, как и другие науки, что нет науки русской, английской и т. д., а что могут быть или в науке, или в ее частях различные направления, обусловленные местными особенностями: климатом, почвой, капиталом, рабочей силой, хозяйственной системой—натуральной или денежной и т. п. В подтверждение этого Целлинский сопоставлял сельскохозяйственную экономику России с заграничной и показывал, что:

Земли в России много, за границей (Англия, Франция, Германия, Бельгия)—мало					
Капитала и рабочих	мало	.	.	.	много
Рабочие, Животные	дешевы	.	.	.	дороги
Сбыт с-х. продуктов	крайне затруднен	.	.	.	удобен

Экономические различия, естественно, вызывали некоторые отличия в сельскохозяйственной науке и в ее успехах в России и за границей, что не учитывалось Пузановым.

Опровергая мнение Пузанова, что сельскохозяйственная наука остановилась в своем развитии, Целлинский указывал, что плодосмен, на который особенно нападал Пузанов, имел и имеет хорошие результаты, но что он во многом дополнен и исправлен новыми научными исследованиями, неизвестными Пузанову. Здесь же Целлинский писал в Академию наук о необходимости учреждения местных опытных сельскохозяйственных станций.

Как на пример несостоятельности рассуждений Пузанова Целлинский ссылается на его вывод о преимуществе местных пород скота перед иноземными на том только основании, что корова дала в год 135 пудов 21 фунт молока, из которых было выработано 5,5 пудов масла без указания, при каких кормах это получено.

Книгу Пузанова Целлинский не одобрил с научной стороны, но просил Академию наук «ободрить просвещенного нашего ревнителя и деятеля на поприще отечественного сельского хозяйства». Академия наук присудила Пузанову за его сочинения почетный отзыв, а Целлинскому за разбор сочинения—Демидовскую золотую медаль.

Труд К. Д. Шмидта «Химико-физиологические основания земледелия и скотоводства» раскрывал состояние главным образом агрохимии в начале 60-х годов.

В предисловии к книге Шмидт отмечал, что в последние десятилетия из всех естественных наук наибольшее влияние на сельскохозяйственную науку оказала химия, что подтверждалось обширной русской и зарубежной специальной литературой, которую автор внимательно изучал. Книга начинается историческим очерком развития агрохимии и рассмотрением некоторых основных понятий общей химии и состоит из двух частей: 1) питание культурных растений (из физиологии: движение сока, дыхание листьев и др.; из химии: анализ растений, их питания, почв и удобрений) и 2) питание домашних животных (из физиологии: пищеварение, кровообращение, дыхание и др.; из химии: анализ кормов, их приготовление).

Книга показывала, что преподавание Шмидтом химии в ГЗИ, с одной стороны, было направлено на решение сельскохозяйственных проблем и как бы дополняло курс растениеводства, который вел Целлинский, а

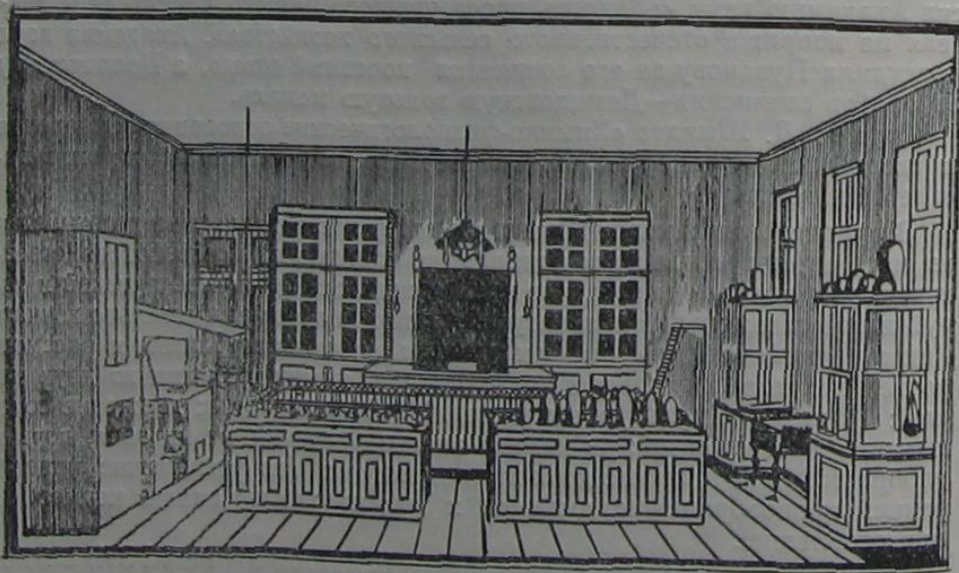
с другой стороны, было на уровне тогдашних наук: агрохимии, физиологии растений и физиологии животных.

Отмеченные научные труды профессоров Стебута, Целлинского и Шмидта свидетельствовали об оживлении научной и методической мысли в ГЗИ под влиянием освободительного движения и реформы 1861 года.

Наблюдался подъем учебных занятий и среди студентов. «В последнее время, — читаем мы в годовом отчете ГЗИ за 1859 год, — между студентами начали образовываться особые кружки для агрономической беседы, для русского, немецкого и французского чтения и разговора. В этих кружках принимали участие и некоторые из профессоров. Видя благотворное влияние этих кружков на более благородное упражнение студенческих досугов, начальство поддерживало их своим одобрением» [74; 280].

Отношение ГЗИ к реформе 1861 года было выражено следующими словами годового отчета за 1861 год: «В наше время совершаются великие события. Русский земледелец сделался свободным, и вместе с уничтожением крепостного права пала одна из огромных вековых преград к развитию у нас земледелия... Интересы земледельческого учебного заведения не могут идти врозь с интересами земледельческого населения [2; 78, 1861 г.]. Одобрение падения крепостного права — «огромной вековой преграды к развитию у нас земледелия» — и признание необходимости тесной связи ГЗИ с «интересами земледельческого населения», т. е. крестьян, показывают, что деятельность ГЗИ в начале 60-х годов была продолжением той антикрепостнической деятельности, которая была отличительной особенностью ГЗИ с самого начала его существования и которая была направлена на развитие и крестьянского хозяйства.

Но наряду с оживленной учебной и научной жизнью под влиянием освободительного движения, а также реформы 1861 года и польской национальной борьбы, в ГЗИ развивалась общественная жизнь и усилились главным образом среди студентов революционно-демократические взгляды и настроения, вылившиеся в бурные события 1863 года.

Химическая лаборатория Горыгорецкого земледельческого института

ГЛАВА VII

СОБЫТИЯ 1863 г. В ГОРЫГОРЕЦКОМ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ И ПЕРЕВОД ЕГО В ПЕТЕРБУРГ

С

ОБЫТИЯ, бурно проявившиеся 23—24 апреля 1863 г. в Горках и ГЗИ, подробно описаны автором данной книги в отдельной работе (74), составленной как по неопубликованным следственным и судебным материалам, так и по имеющейся мемуарной и исторической литературе.

В этой же главе далее приводятся наиболее важные факты, предшествующие событиям и последовавшие за ними.

Непосредственным и важным фактором, вызвавшим апрельские события, был состав студентов ГЗИ, сложившийся на рубеже 50—60-х годов в обстановке революционной ситуации в России и национально-освободительной борьбы в Польше. Под влиянием этой политической обстановки формировались взгляды и настроения студентов ГЗИ, принявших активное участие в студенческом движении, начавшемся в это время и в университетах.

Перед 1863 г. значительно выросло также общее количество учащихся в Горках, пополнившись разночинной, по преимуществу польской молодежью.

Число студентов ГЗИ стало возрастать с 1860 года, когда был облегчен прием студентов, установлены правила для вольнослушателей и когда пробудился особый интерес к крестьянскому и сельскохозяйственному вопросам. Увеличилось число учащихся в Горках также с открытием в 1859 г. землемерно-таксаторских классов.

Таблица 18

Число учащихся Горыгорецких учебных заведений в конце 50 — начале 60-х годов

		Годы					
		1859	1859	1860	1861	1862	1863
Учебные заведения							
Земледельческий институт	Студентов	112	147	162	196	219	217
	вольнослушателей	—	—	3	19	37	37
Земледельческое училище		62	73	94	100	127	95
Учебная ферма		85	95	104	134	120	92
Землемерно-таксаторские классы		—	25	52	46	39	35
Итого		259	340	415	495	542	476

Таблица показывает, что число учащихся ГЗИ, постепенно возрастающая, в 1862 г. достигает рекордной цифры — 254 (вместе с вольнослушателями), не встречавшейся до этого времени ни в ГЗШ, ни в ГЗИ. На этот же год падает и самое большое число учащихся во всех учебных заведениях в Горках [74; 230].

Изменился и социальный состав учащихся ГЗИ и других Горецких заведений в сторону большей демократизации, что видно из сопоставления следующей таблицы с ранее приведенными данными о социальном составе учащихся в 50-е годы.

Таблица 19

Социальный состав учащихся Горецких учебных заведений в 1863 году [74; 231]

Учебные заведения Сословия	Учебные заведения				Итого	В процен- тах
	Институт	Земледель- ческое училище	Землемер- но-такса- торские классы	Учебная ферма		
Крестьяне	9	37	6	92	144	32
Дворяне	101	19	14	—	134	30
Военное	44	7	6	—	57	14
Духовное	32	5	3	—	40	9
Другие (купцы, мещане)	31	27	6	—	64	15
Всего	217	95	35	92	439	100

Сопоставление показывает, что в ГЗИ в 60-е годы появляются крестьяне и что дворяне, имевшие в 50-е годы численный перевес, теперь уступили первенство разночинцам и крестьянам, число которых доходило до 52% (116 из 217). Одним из первых крестьян, поступивших в ГЗИ, был сын государственного крестьянина Херсонской губ., Тираспольского уезда, Мицунь М. С., окончивший перед этим Одесское училище садоводства и состоявший садоводом при ГЗИ до поступления в него [2; № 581, 1860 г.]. Кроме того, многие студенты-дворяне 60-х годов, происходившие из мелкопоместной шляхты Западной Белоруссии, ничем не отличались по материальным средствам от студентов-разночинцев, которые составляли основу ГЗИ и в 50-е годы. Нуждаемость многих студентов вызвала развитие материальной взаимопомощи. Кроме содержания, как уже указывалось, 12 наиболее бедных студентов обеспечивались за счет более состоятельных; в 60-е годы среди горецких студентов применялись и другие средства к поддержанию нуждавшихся: существовала касса взаимопомощи и столовая на кооперативных началах, устраивались лотереи. Состав же учащихся всех ГУЗ в 60-е годы, как показывает таблица, был в своем большинстве разночинно-крестьянским: дворян учащихся было 30%.

По национальности среди учащихся в это время в ГУЗ больше было поляков, которые еще с 30-х годов, после закрытия Виленского университета, стали заполнять Киевский, Петербургский и другие университеты, а затем и ГЗИ. В конце 50-х начале 60-х годов с облегчением приема в университеты и подъемом национально-освободительного движения в Польше приток поляков в учебные заведения увеличился. В Киевском, например, университете в эти годы их было больше половины всех студентов, а в ГЗИ — до 30% [74; 233]. При этом между студентами-поляками проявлявшими особенную сплоченность и общественную активность, и другими студентами происходило сближение на почве учебных занятий

и общих политических интересов. Революционные идеи Чернышевского, Герцена, Добролюбова и других русских деятелей, боровшихся с самодержавием и крепостным строем, проникали в среду студентов-разночинцев и усваивались поляками, а русским студентам передавались важность и значение польского освободительного движения [57; гл. 6, 12 и др.]. Вместе с тем через молодежь, прибывшую в ГЗИ из центральных и западных губерний, устанавливалась связь со студенческим движением в университетских городах и с политической борьбой в Польше.

Первым политическим выступлением студентов ГЗИ, произведшим переполох среди местной полиции и институтской администрации, было нападение студентов в октябре 1857 года на квартиру и канцелярию станового пристава Буйвида, который был назначен в 1848 г. в Горки с правами городского полицмейстера для наблюдения за жизнью студентов. В канцелярии Буйвида были частью уничтожены, а частью разбросаны канцелярские дела и выбиты некоторые окна; в его же квартире все окна и зеркало были разбиты, а мебель поломана. По этому делу велось следствие. Подозрение пало на студентов. Но эта первая демонстрация студентов ГЗИ, несомненно, связанная со студенческими выступлениями в это время в университетских городах, носила настолько организованный и конспиративный характер, что следствие не выявило виновников, и дело было прекращено.

Следы же противополитической демонстрации явно вели к студентам ГЗИ, о чем говорит и название дела, заведенного в 1857 г. в институтской канцелярии: «О нападении на дом пристава 3-го стана Оршанского уезда студентами Горыгорецкого земледельческого института» [74; 237].

Значительное место в общественной жизни ГЗИ получил студенческо-профессорский клуб, открытый по инициативе преподавателей Стебута, Жебенко и Рего. Название клуба студенческо-профессорским указывало на значение клуба, в первую очередь, для студентов. В статье первой устава говорилось: «Клуб учреждается с целью доставить студентам способы к приятному общественному проведению времени и к большему сближению их как между собой, так и с их преподавателями и образованными лицами из других сословий». По 9 статье устава устанавливалось «управление клуба из 12 старшин, на половину из студентов института, на половину из других лиц». Кроме студентов и служащих ГЗИ, членами клуба могли быть служащие из местечка Горок и помещики из горецких окрестностей. Членский годовой взнос был для студента 4 руб., для других — 6 руб. Единовременный взнос 6 руб. — одинаковый для всех. Устав клуба был утвержден в 1860 г. министерствами государственных имуществ и внутренних дел.

При утверждении клубного устава в МГИ, между прочим, в устав был приписан последний (34) пункт, охранявший клуб от незаконного вмешательства местной полиции в его деятельность и ставивший полицию в зависимое положение от клубной администрации. Пункт этот, позаимствованный из клубных правил так называемой «Академической муссы» при Дерптском университете, гласил следующее: «Полицейский чиновник, имеющий надобность по делам службы войти в помещение клуба, должен известить о том предварительно дежурного старшину и объявить ему о причине своего прибытия. Только в присутствии члена правления он может исполнить возложенное на него поручение» [74; 229].

Когда становой пристав Буйвид узнал о разрешении клуба при ГЗИ с приведенным пунктом устава, то он опротестовал как учреждение са-

мого клуба, так в особенности 34-й пункт устава, подав об этом особый рапорт могилевскому губернатору и правлению ГЗИ. В рапорте Буйвид писал, что французская революция конца XVIII века возникла из клуба, что необходим бдительный полицейский надзор за всеми публичными собраниями, что ему совершенно непонятно, «на каком основании и по каким важным преимуществам директор клуба присвоил себе право спрашивать полицейского чиновника о причине его прибытия», и что поэтому он не будет придерживаться 34-го пункта. Правление ГЗИ ответило ему, что устав клуба утвержден министерством и отменен быть не может.

В первый год в клубе было 105 членов; из них 69 студентов, 24 служащих, в том числе и преподаватели института, и 12 окрестных помещиков. Клуб получил безвозвратную ссуду в 1000 руб.; при нем были устроены столовая, биллиард и библиотека с выпиской газет, журналов и новых книг, приобретены фортепьяно и мебель. Клуб помещался в местечке в частном доме Загорской; в то же время проектировалось особое клубное здание. Директором клуба был избран профессор Гинцель, проявивший в этой деятельности большую энергию.

В результате рапорта Буйвида могилевскому губернатору об открытии в Горках студенческо-профессорского клуба и о непризнании им 34-го параграфа клубного устава в ноябре 1860 года в ГЗИ прибыл из Могилева жандармский подполковник Соколов, описавший затем состояние ГЗИ в донесении шефу жандармов Долгорукому следующим образом:

«Траутфеттер в короткое время успел поставить себя к преподавателям и студентам весьма хорошо; простым, но серьезным обращением приобрел их доверие и уважение. Приглашая к себе, он имеет случай видеть ближе каждого и действовать на них безошибочно. Преподаватели ведут скромную семейную жизнь, приглашают к себе студентов, что для последних весьма полезно, где они участвуют в серьезных суждениях о науках и этим отвлекаются от неприличных вечерних оргий. Хотя большая часть студентов живет на наемных квартирах и поэтому надзор за ними не совсем удобен, но за небольшим исключением ведут себя довольно кротко и поступков, которые бы служили во вред их репутации или к беспокойству жителей местечка, не делают; случается, что они собираются между собою, и беседы их, свойственные их молодым летам, бывают несколько и шумны, но не выходят из границ благопристойности» [74; 236—237].

Отметив полезную связь студентов ГЗИ с преподавателями и случайные шумные собрания студентов, Соколов обошел молчанием студенческо-профессорский клуб, видимо, соглашаясь с 34-м параграфом о некоторой независимости клуба от полиции, и своим донесением успокоил Долгорукова.

Между тем студенческо-профессорский клуб вскоре стал играть значительную роль в жизни ГЗИ и явился для части студентов и некоторых преподавателей руслом для проявления общественной мысли, выразившейся в ограниченном виде в тех учебных беседах, агрономических и литературных, которые проводились в ГЗИ в 50-е годы и которые были упразднены по Положению 1859 г.

В клубе, по инициативе профессора А. Козловского и при участии профессоров И. Стебута и А. Гинцеля, а также студентов ГЗИ С. Висковского и В. Доморацкого, возник проект организации Могилевского земледельческого общества, составлен проект устава этого общества, а затем устроен в Горках съезд по примеру сельскохозяйственных съездов, бывших при институте в 50-е годы. Съезд состоялся 10 августа 1861 года в Горках. На нем присутствовало 15 помещиков, приехавших из разных уездов Могилевской губ., 5 человек от ГЗИ: Козловский, Гинцель, Сте-

бут, заведующий фермой Юревич, экзекутор института Бремзен и около десяти студентов. На съезде был рассмотрен проект устава Могилевского земледельческого общества, единогласно были избраны почетными членами будущего общества Гинцель, Стебут и Юревич, и решено созвать 1 октября в Могилеве съезд представителей уездов с материалами и пожеланиями по организации земледельческого общества [74; 240].

Съезд в Могилеве не состоялся, так как полиция раскрыла сепаратистскую программу, предлагавшую открытие Виленского университета, пользование польским языком и др. и составленную к съезду помещиками Рогачевского уезда, Могилевской губ. Об этом сообщил в сентябре 1861 года могилевский губернатор Беклемишев Валуеву, незадолго перед этим ставшему министром внутренних дел после ухода из МГИ.

Валуев предложил своему прежнему начальнику — министру Муравьеву — «сделать зависящее распоряжение к отклонению образования агрономического общества в Могилевской губ. и к обузданию своеволия студентов Горького института». На это предложение Муравьев ответил следующее:

«Для отклонения движения к образованию агрономического общества в Могилевской губ. и съезда дворян в м. Горках Министерство государственных имуществ не может сделать с своей стороны никаких распоряжений до представления ему проекта устава об учреждении общества, тем более что полицейский надзор за съездами дворян не подлежит ведению Министерства государственных имуществ. С своей стороны я долгом считаю покорнейше просить усилить вообще полицейский надзор в м. Горках по причине значительного скопления там молодых людей и на случай могущих быть между ними движений, так как начальству института при содействии одного станového пристава, исполняющего и другие многочисленные обязанности, невозможно уследить и предотвратить все подобные движения. Впрочем, независимо сего строго подтверждено институтскому начальству иметь ближайшее по возможности наблюдение за действиями студентов, живущих в Горках, через установленных для сего надзирателей и сообщать немедленно полицейской власти о поступках, противных общественному порядку» [74; 242].

Одновременно с этим Муравьев предписал Траутфеттеру принять «меры внушения и строгости для удержания студентов в границах их обязанностей» и следить, чтобы профессора и студенты не принимали участия в организации агрономического общества.

Приведенные предложения Муравьева, направленные Валуеву и Траутфеттеру, были одними из его последних распоряжений как министра. В начале 1862 года, не соглашаясь с правительственным проектом распространения Положения 19 февраля 1861 года на государственных крестьян, Муравьев ушел из министерства. Этот проект в 1866 г. стал законом, который сравнивал государственных крестьян с остальными крестьянами, бывшими помещичьими и удельными, и, таким образом, ликвидировал категорию государственных крестьян [49-б; 566—570].

Назначенный министром государственных имуществ А. А. Зеленой (с 1862 по 1872 г.), будучи единомышленником Муравьева, продолжал политику своего предшественника. Он разделял консервативные взгляды Муравьева как в крестьянском вопросе, так и в вопросах сельскохозяйственного образования. Вступив в управление министерством через год после крестьянской реформы, Зеленой направил свое внимание прежде всего на состояние среднего сельскохозяйственного образования, которое должно было дать управителей для имений на новых началах. Земледельческие училища он считал главным типом сельскохозяйственных учебных заведений, так как именно они должны были удовлетворить потребность в приказчиках и управителях сельскохозяйственных пред-

приятый и имений и в техниках по сельскохозяйственной механике.

В мае 1862 года по проекту Зеленого было решено провести в виде опыта следующие изменения в средних и низших сельскохозяйственных школах: во-первых, преобразовать земледельческие училища, т. е. во вновь открывавшихся земледельческих училищах—Казанском и Саратовском (Маринском)—вести сельскохозяйственное и механическое отделения и 3-летний курс обучения, вместо 4-летнего, установленного в Горыгорецком и Харьковском училищах по Положению 1859 года, придав обучению главным образом практическое направление; во-вторых, перестроить учебные фермы с 4-летнего на 3-летний план с целью сделать учебную ферму не столько образцовым коммерческим хозяйством, сколько учебным заведением, которое должно было подготавливать 16-летних крестьянских мальчиков к поступлению в земледельческое училище; при этом ученики учебных ферм ставились на положение поденных полуроботников и обучались только тем предметам, которые необходимы были для поступления в земледельческое училище [23; 119—123].

По мысли Зеленого, как земледельческие училища, так и учебные фермы должны быть «совершенно доступны и открыты для земледельческого населения», подобно тому как и проектировавшаяся Петровская академия должна была стать учреждением, открытым для лиц всех сословий.

Но опыт Зеленого с учебной фермой и земледельческим училищем, равно как и с Петровской академией, вскоре не оправдался: в 1871 г. учебные фермы были признаны только учебно-вспомогательным учреждением при земледельческом училище, Петровская академия в 1872 г. перестроилась по типу ГЗИ 1848 года, а земледельческие училища по уставу 1878 года перешли на 6-летний курс.

В области высшего сельскохозяйственного образования Зеленой продолжал усиливать надзор за ГЗИ и поддерживал предложенные до него принципы устава Петровской академии, присоединив к ней лесную специальность.

При Зеленом, после переписки Муравьева с Валуевым об усилении полицейского надзора для «обуздания своеволия студентов ГЗИ», в июне 1862 года Горки были переведены из местечкового положения на городское с учреждением Горького уезда, вместо упраздненного Копытского. В Горках появились исправник, как высшая полицейская власть, городничий, уездный стряпчий (представитель прокурора), воинский начальник с инвалидной командой и другие представители городской и уездной власти, что усиливало надзор за учащимися, жившими в большинстве на частных квартирах.

Могилевский губернатор Беклемишев в своем отчете за 1862 г. считал, что переформирование Горок в город ослабит «буйный дух» студентов ГЗИ. Он писал:

«Нравственное образование молодых людей, воспитывающихся в Горьком институте, весьма страдало от совершенного отчуждения их от общества, так как в м. Горках, кроме лиц, принадлежащих к институту, проживали только евреи и крестьяне. Вследствие возведения Горок на степень уездного города это неблагоприятное обстоятельство устраняется, и можно надеяться, что между молодыми людьми, имеющими теперь возможность посещать хоть несколько семейств чиновников и дворян, поселившихся в городе, разовьется больше порядочности и искоренится или по крайней мере ослабится тот буйный дух, которым они доселе отличались» [74; 248].

Разумсется, Беклемишев надеялся на «ослабление буйного духа» среди горьгорецких учащихся не только от общения их с семьями уезд-

ных чиновников, но и от наблюдения за ними со стороны появившейся уездной полицейской власти.

ГЗИ, не раз добивавшийся преобразования Горок в город с года существования института, к происшедшей перемене отнесся с одобрением в надежде на улучшение бытовых условий: появление почтамта и казначейства, исправление подъездных путей, открытие городского училища. Однако усиление полицейского надзора, в особенности проникновение этого надзора в ГЗИ, было воспринято администрацией и служащими ГУЗ неприязненно.

Когда первый городничий г. Горок Стаховский вскоре после преобразования Горок прислал в ГЗИ распоряжение «для сведения и должного руководства, что институт в отношении полицейского ведомства считается в г. Горках», то Траутфеттер, считая, что ГЗИ находится в непосредственном ведении министерства в Петербурге и расположен вне городской черты, а также оберегая свою генеральскую амбицию перед уездным городничим, не принял этого распоряжения и вернул его городничему назад с запиской, что он «ожидает сведения об этом к должному руководству от своего начальства, а не от городничего» [74; 235].

Отказ Траутфеттера подчиниться распоряжению городничего стал известен в ГЗИ и дал повод профессору А. Гинцелю, директору клуба, оказать сопротивление полиции, арестовавшей его прислугу-крестьянку, как не зарегистрировавшую своего паспорта в управлении городничего. Когда Гинцель узнал об этом аресте, то он немедленно явился в полицию и, согласно рапорту городничего, «вступая в сильнейший азарт, ударил руками в грудь полицейского служителя В. Гутика, угрожая выбить ему зубы, схватив ту женщину, повел с собою в дом... Такой поступок Гинцеля, — кончал городничий свой рапорт в Могилевское губ. управление, — сделался известным всему городу и, без сомнения, послужит дурным примером другим лицам, которые, будучи в этом упознании, что когда профессор дозволил себе в присутствии полиции нанести побой полицейскому служителю и отнять бродягу, то, конечно, не останутся разбить патруль или же съезжий дом» [74; 248]. По этому делу началось следствие, но оно не было доведено до конца из-за более важных событий 1863 года.

Студенты ГЗИ, осведомленные о непризнании Траутфеттером городской полицейской власти, почувствовали себя независимее от полицейского надзора и стали устраивать собрания для обсуждения волновавших их вопросов. Собрания были настолько бурны и многолюдны, что Траутфеттеру пришлось указать студентам на незаконность их собраний, запрещенных студенческими правилами. Когда же студенты отказывались незнанием студенческих правил, то Траутфеттер через надзирателя напомнил им 15-й параграф правил, в котором «всякого рода многочисленные собрания, под каким бы предлогом или названием ни были, строго запрещаются, кроме особого разрешения».

В то же время студенты собирались как в своих частных квартирах, так и в квартирах некоторых преподавателей: у Козловского, Гинцеля, Жебенко. Во время собраний происходили беседы и споры по политическим вопросам, поднимавшимся в тогдашней периодической печати и волновавшим студентов.

О собраниях в своей квартире и о поведении студентов ГЗИ до 1863 года адъюнкт-профессор Козловский в своем показании следователю в связи с событиями в ГЗИ сообщил следующее:

«У меня собирались товарищи и знакомые (без различия веры, происхождения, звания) исключительно для препровождения времени самым невинным образом — в чтении, беседе, музыке, игре — при этом никаких других целей и намерений не преследовалось... Я замечал и слышал от других, что студенты-католики не танцуют и вообще избегают общества. Когда я их спрашивал, почему они перестали у нас бывать, то они отвечали, что наше общество их стесняет, что они хотят заниматься и т. д. Имея в виду, что частое посещение студентов увеличивало число сплетен в нашем обществе, а с другой стороны, имея возможность всякую минуту провести в кругу моих товарищей, далеко не фанатиков и готовых повеселиться при случае, я оставил это обстоятельство вне всякого внимания. Явного отделения католиков от других исповеданий я не замечал» [4; д. № 97, 170—171].

Козловский в своем показании, естественно, умолчал, что в беседах завязывались и политические споры о реформе 1861 года, о начинавшейся польской национально-освободительной борьбе по вопросам, ставшим особенно злободневными в начале 60-х годов.

В студенческих спорах о реформе 1861 года выделялся студент В. Доморацкий, который всегда возражал товарищам, возлагавшим большие надежды на крестьянскую реформу. Он говорил: «Все это пустое, мираж... Помнишь: чиновничество слопаёт ваш тощий либерализм» [74; 252]. Другие студенты (Червинский, Килдыш) указывали на продолжавшееся и после реформы бедственное состояние крестьян, с которыми чиновники и помещики по-прежнему обращались, как со скотом.

При спорах по польскому вопросу студент А. Кушелевский, например, доказывал, что национально-освободительная борьба — это дело общее русских и поляков, что Россия и Польша должны существовать как «два соседних народа в тесной дружбе, но не при слиянии их между собою» [74; 309].

Кроме интереса к крестьянской и польской проблемам, учащиеся ГЗИ занимали также вопросы народной революционной борьбы. Студент Г. Коссака, знакомый с русской и западно-европейской художественной литературой, в беседах с товарищами по ГЗИ пользовался драмой немецкого поэта Шиллера «Вильгельм Телль», проникнутой революционным пафосом и призывавшей к борьбе с угнетателями. «Вильгельм Телль», по позднейшим воспоминаниям Коссака, немца по национальности, вдохновил его на революционную борьбу [74; 223].

Взгляды студентов ГЗИ Доморацкого, Кушелевского, Коссака и других, близких к ним, не разделялись многими студентами и вызывали возражения. Среди студентов, таким образом, происходило расхождение, подобное тому, которое в это время наблюдалось среди русских и польских политических деятелей и интеллигенции, а именно: на либералов, довольствовавшихся крестьянской реформой и отдельными изменениями в положении поляков в России, и революционных демократов, призывавших к дальнейшей борьбе за освобождение крестьянства и за самостоятельность Польши. Между теми и другими студентами ГЗИ, по воспоминаниям Коссака, происходили горячие споры.

Усиление надзора в ГЗИ со стороны институтской администрации и в городе со стороны полиции повело к тому, что многие из студентов стали выезжать из Горок на совещание к уездным помещикам, а некоторые, как например студент С. Висковский, не раз ездили в Москву и Вильно.

Но так как отлучаться из города учащимся было запрещено студенческими правилами и инспектор Ган брал от студентов особые распис-

ки в том, что им известны эти правила, то некоторые из учащихся под разными предлогами увольнялись из ГУЗ, но оставались жить в Горках на положении вольнослушателей и продолжали свою политическую работу.

Институтская администрация старалась переубедить и уговорить таких учащихся, чтобы они вернулись в учебное заведение. Для иллюстрации подобных явлений в ГЗИ и отношения к ним администрации, а также для иллюстрации тех переживаний, которые испытывали в это время учащиеся ГУЗ, может служить воспоминание А. И. Ястржембского, который в 1891 г., отбывши в Сибири 20-летнюю каторгу, а затем ссылку, вспомнил о своих юношеских увлечениях во время ученья в землемерно-таксаторских классах в 1861—1862 гг. и о преподавателе и инспекторе этих классов межевом инженере А. Лесневском, находившемся в непосредственном подчинении у Траутфеттера.

«Почти 30 лет тому назад я имел честь быть воспитанником землемерно-таксаторских классов, которые были при Земледельческом институте, — писал А. Ястржембский. — В 1862 г., когда началось польское движение, я, как юноша поляк, подпал известному влиянию и увлекся... В то время был у нас в заведении, вечная память ему, достоуважаемый преподаватель, он же инспектор, соотчич мой, полевой инженер Лесневский, который, заметя мое увлечение, начал прикладывать все свои силы, чтобы отвлечь нас от всякой политики, а привлечь к учению, а тем более меня, которого он полюбил за мою способность и живость темперамента. Много принимал мер относительно всех воспитанников, но в особенности самое бдительное око обратил на меня, как отец родной, чтобы отвлечь от тех увлечений, которые он предчувствовал, что только гибель предвещают. Но, видно, что-то роковое было. Все меры принимал, чтобы спасти меня, но ничего не мог сделать. Когда постановили о моем исключении, тогда он еще в последний раз обращается ко мне, на квартиру, и начинает просить меня, что он все устроит... но как просит... голос его дрожит, слезы на глазах. Ох, как тяжело делается, как вспомнишь об этом! Слезами обливаюсь теперь после 30 лет, вспоминая этого идеального человека и педагога. Мир праху твоему! Пошли, господи, побольше нам таких людей и наставников. Чем больше в лес, тем больше дров, и я стал самым рьяным последователем своих новых учителей. Когда вспыхнуло восстание, я очутился в нем, и, благодаря М. Н. Муравьеву, 17-летнего юношу строптивого запыкали на 20 лет на каторгу. А за что? За одну дерзость в ответах на суде» [74; 322—323].

Когда в январе 1863 года началось в Польше восстание, у могилевской губернской администрации возникло опасение о присоединении к этому восстанию учащихся ГЗИ, среди которых было около трети поляков, не раз уже показывавших свой «буйный дух» и выступавших в демонстрациях как в Горках, так и в Могилевской губ. Первые сведения о возможности восстания в Горках, уже будто назначенного на 19 февраля, получил смоленский губернатор Тилен, поспевший сообщить об этом министру внутренних дел Валуеву. Когда в результате этого сообщения могилевский губернатор Беклемишев получил от Валуева тревожную телеграмму: «Смотрите за Горками. На 19-е остерегайтесь там и у себя», то он вызвал к себе в Могилев Траутфеттера для обсуждения и принятия мер по предупреждению восстания в Горках.

Во время встречи с Беклемишевым Траутфеттер, не допуская вмешательства губернской полицейской власти в дела ГЗИ, оберегая свою независимость и отчасти защищая учащихся, отклонил мероприятия, предложенные Беклемишевым: запрещение учащимся отпусков, удаление из Горок ксендзов и размещение в Горках войска. Он заверил губернатора, что ГЗИ не угрожает опасность в связи с восстанием в Польше.

После этих переговоров Беклемишев телеграфировал Валуеву: «В Горках по настоящее время все спокойно, и по всем собранным сведени-

ям беспорядков в этом городе не предвидится, поэтому я не делал распоряжения о расквартировании войска в этом городе, тем более, чтобы не возбудить этим распоряжением студентов».

Траутфеттер возвратился в Горки несколько встревоженный, но вскоре его заняла учебно-академическая жизнь в Институте.

В марте-апреле 1863 г., кроме обычных занятий, проходили в присутствии прибывшего из Петербурга члена Ученого комитета Е. А. Петерсона выпускные экзамены для студентов института — впервые по Положению 1859 года. В апреле эти экзамены закончились. Из 30 студентов последнего курса ГЗИ окончило 26, из них 9 — со степенью кандидата агрономии и 17 — со званием действительного студента агрономии. В это же время окончили и земледельческое училище все 16 учеников последнего класса. Траутфеттер в эти месяцы замечал у студентов обычные академические настроения. Вспоминая это время, он писал:

«Студенты и другие воспитанники Горьгорецких учебных заведений, в особенности из поляков, вели себя лучше, чем когда-либо. Они соблюдали надлежащий порядок в городе и заведениях, подчинялись беспрекословно всем распоряжениям начальства и занимались своим делом. Они не только по-прежнему посещали лекции, но брали также постоянно множество книг из библиотек заведений для занятий дома» [74; 257].

В это же самое время в Вильно, в повстанческом революционно-национальном комитете, было решено провести в конце апреля выступление повстанцев в Белоруссии, опираясь главным образом на учащихся ГЗИ.

Я. Гейштор, один из возглавлявших Виленский комитет, в своих воспоминаниях рассказывает, что он был против распространения восстания на Белоруссию, так как, по его мнению, нельзя было надеяться на сочувствие к восстанию со стороны белорусского народа. Не посчитавшись с мнением Гейштора и получив с мест сведения о подготовке молодежи к восстанию и о возможности присоединения к восставшим крестьян, неудовлетворенных реформой 1861 года, комитет выдвинул план восстания в Могилевской губ., предложенный революционными демократами С. Сераковским (1827—1863) и К. Калиновским (1836—1864). В этом плане была попытка придать национально-освободительному движению характер крестьянской борьбы за полное освобождение, а также вызвать на окраине Белоруссии поддержку национально-освободительного движения в Польше.

Руководителем восстания и военным начальником (воеводой) в Могилевской губ., а также предводителем Горецкого отряда комитет назначил бывшего капитана генерального штаба русской армии и члена Виленского комитета Л. Звирждовского (1825—1864). Помощниками ему по горецкому отряду были назначены оршанский помещик Миткевич и студент ГЗИ С. Висковский, происходивший из шляхты Мстиславльского уезда, Могилевской губ. Звирждовский был радикальных взглядов по крестьянскому вопросу, высказывался о решительной расправе с помещиками. Об этом свидетельствовал и псевдоним «Топор», под которым он выступил, тогда как его товарищ по восстанию в Кричеве Жуковский выступил под псевдонимом «Коса». Топор и коса были известны как орудия расправы с помещиком. Калиновский в издававшейся им в это время газете «Мужицкая правда» писал: «Мужик, пока он может держать косу и топор, сумеет защитить себя и ни у кого не будет просить милости» [56; 279].

После предварительной подготовки, в ночь с 23 на 24 апреля, отряд

повстанцев числом до 70 человек, организованных Звирждовским в с Зарубы (к северу от Горок, около м. Дубровна), напал на Горки и ГЗИ. Здесь к отряду присоединилось около 60 учащихся ГУЗ. Город и институт были захвачены, и везде расставлены пикеты.

Неожиданное ночное нападение сопровождалось перестрелкой между повстанцами и несдававшимися солдатами, человеческими жертвами, пожарами, захватом оружия и денег.

В противоположность сравнительно большому числу жертв и пожаров в городе в самом институте обошлось более мирно. В 2 часа ночи несколько повстанцев явилось на квартиру к директору Траутфеттеру. Студент-повстанец С. Моргулец объявил директору, что из уважения к ГЗИ повстанцам приказано сохранить в ГЗИ все в целости, если не будет сопротивления, что жителям ГЗИ запрещено выходить из домов, что для повстанцев Горки сами по себе не представляют интереса и что они скоро из города уйдут. Вскоре директор был освобожден из-под домашнего ареста и отправился в пансион, где жили ученики Земледельческого училища. Он сказал ученикам о невозможности сопротивления повстанцам и о необходимости покорности, что сохранит жизнь и учебные заведения. Когда Траутфеттер узнал, что повстанцы захватили в городском казначействе шкатулку с 15 тысячами рублей институтских денег, то он попросил Миткевича выдать ему в этом расписку. Миткевич, удостоверившись по бухгалтерским книгам, что это действительно так, выдал ему перед уходом из Горок соответствующую расписку с подписью «Топора» и его печатью.

В институте повстанцев привлекла учебная ферма своими рабочими и учащимися, происходившими из крестьян, которых они старались расположить к себе, а также необходимыми для них провиантом и транспортом.

В ГЗИ, включая и учебную ферму, повстанцы реквизировали имущество: 23 лошади, 9 телег и часть упряжи и фуража.

Днем в спешном порядке повстанцы, число которых доходило теперь до 140 при 50 лошадях, вышли из Горок в юго-восточном направлении к м. Кричеву, где к ним присоединился отряд повстанцев Жуковского-Косы. Поспешный уход вызывался тревогой повстанцев за свое положение в Горках, так как местные крестьяне не оказали поддержки, на которую надеялся Звирждовский и другие организаторы восстания; кроме того, по плану следовало продвигаться на юг Могилевской губ.

Продвижение горецких повстанцев по селам и местечкам восточной части Могилевской губ. также не сопровождалось успехом среди крестьян и закончилось на шестой день, 29 апреля, в лесах к юго-востоку от Могилева, в районе Пропойска (Славгорода), где повстанцы, окруженные частью русских войск, частью крестьян, сдались и были препровождены в Могилевскую тюрьму, а Звирждовский скрылся за границу.

В следующем 1864 г. Звирждовский вновь появился среди повстанцев в Польше, организовал нападение на г. Опатов, Келецкой губ., был ранен, захвачен в плен и казнен.

Одновременно с концом восстания горецкого отряда закончились выступления повстанческих отрядов в западной части Могилевской губ. — в уездах Сенненском, Оршанском, Могилевском, Быховском и Рогачевском, а также и на Украине около Киева, где восстание было тоже в конце апреля.

Через месяц после сдачи горецкого отряда началось следствие по поводу происшедшего в ГЗИ и Горках.

Первоначально следствие было поручено Беклемишевым чиновнику министерства внутренних дел Макушину, но вскоре министр Зеленой для ведения следствия, касавшегося ГЗИ, назначил генерала А. А. Половцова, служившего в Министерстве юстиции, а с 1845 года в МГИ в качестве члена Совета министра и министерского ревизора. Побыв в Могилеве, Половцов явился в Горки и возглавил с согласия Беклемишева следственную комиссию для решения вопроса, как он писал в своих воспоминаниях, кто виноват в происшедших событиях — губернатор Беклемишев или директор Траутфеттер? [107-ж]. Комиссия состояла из шести лиц, наполовину от МГИ: Половцов, профессор Стебут и министерский чиновник Сташевский и наполовину от местной администрации: губернский чиновник Макушин, уездный стряпчий Зубовский и уездный воинский начальник Орешков.

При ведении следствия главную ответственность за происшедшие события Половцов возлагал на неинститутских организаторов нападения на Горки, а на губернскую и уездную власть и старался реабилитировать администрацию ГЗИ. В письме из Горок директору департамента Д. Д. Неелову Половцов считал «грубой ошибкой» взгляд моголевского губернатора Беклемишева о том, что «сердце мятежа в Институте» и что все произошло от Института, и обещал «бороться до конца» с таким взглядом [4; д. 97, 1863 г.]. Хотя Беклемишев в целях собственной реабилитации доказывал правильность своего взгляда, но, как писал Половцов, «дело фактически представляется в виде обратном», так как все приготовления и сборы перед нападением произведены были в имениях окрестных помещиков, да и город был подготовлен к нападению не студентами. В своем объяснении горецких событий Половцов поддерживал взгляды члена Ученого комитета Петерсона, бывшего в Институте во время восстания, и главным образом директора Траутфеттера, представившего в следственную комиссию объяснительную «Записку» [74; 303].

В этой «Записке», защищая себя, преподавателей и учащихся ГУЗ, Траутфеттер прежде всего ссылался на то «гуманное направление», при котором главным стимулом воспитания было убеждение, а не наказание и которым он руководствовался в своей деятельности. Далее он указывал, что порядок и спокойствие в Горыгорских учебных заведениях до восстания никогда не нарушались, как и в учебных заведениях Могилевской и других русских губерний; что горецкие учащиеся были лишены материальных средств к вооруженному восстанию; что они, за исключением очень немногих, были малосостоятельными и в большинстве даже не могли прожить в Горках на свой счет, что учащиеся, будучи еще в отроческом возрасте с неукрепившимися понятиями, не могли произвести восстания; что нападение на город было устроено с целью создать моральное давление на молодежь и тем привлечь ее на свою сторону; что из среды горецкой учащейся молодежи никто не принимал участия в восстании в других местах. Защищая учащихся и подчеркивая, что нападение на Горки было организовано извне, Траутфеттер в «Записке» обвинял в происшедшем, во-первых, уездное и губернское начальство, в обязанность которого входило следить за жизнью и общественным движением вне учебных заведений, а, во-вторых, моголевское дворянство, которое не дорожило ГЗИ и отвлекало учащуюся молодежь

на несвойственную ей деятельность. В конце своей «Записки» Траутфеттер писал, что ни он, ни кто другой в Горках и даже в губернии не ожидал восстания в Могилевской губ., называл выступление горских повстанцев «помешательством, которого никто не мог допустить в людях, не задержанных в доме сумасшедших», и приходил к парадоксальному выводу, что «не только не было мятежа от горских студентов, но что не было мятежа и в Горках!».

Находя «Записку» Траутфеттера интересной и разделяя положение этой «Записки» о том, что восстание в Горках было организовано извне, Половцов в то же время считал, что директор во многом и виноват. «Директор, — писал в своем отчете по следствию Половцов, — ученый по призванию, в своем возвышенном образе мыслей, заботился только об образовании учащихся, не допуская идеи о каком-то бессмысленном бунте без цели и средств. Он остановился на том, что в случае нападения извне некоторые студенты присоединятся к мятежу — и только». В результате такой самоуспокоенности директора и непринятия им своевременно мер к предотвращению возможного, по его мнению, присоединения учащихся к восстанию число присоединившихся к восстанию из среды горских учащихся дошло до 60. Вина Траутфеттера заключалась также в отказе от всякой административной и военной помощи, предложенной ему моголевским губернатором еще до восстания. Во время восстания директор, по мнению Половцова, вел себя не с сознанием своего положения, а унижался перед повстанцами. Как пример такого недостойного поведения директора Половцов приводил получение Траутфеттером от Топора-Звирждовского расписки в том, что повстанцами взяты институтские деньги. «Директор поражен в сердце распискою Топора и не знает, что с нею делать: представить нельзя, да и хранить стыдно», — писал об этом Половцов, в то же время несколько оправдывая его поступок полной растерянностью во время событий [4; д. 97, 1863].

Соглашаясь со взглядом Траутфеттера на внешнюю, неинститутскую причину восстания и признавая его как ученого, Половцов в то же время видел неправильность его действий как директора-администратора.

«По форме директор виноват кругом, а в существе невинен, как дитя», — писал о нем Половцов. При такой двойственной оценке действий директора Половцов все же склонился к его оправданию. Вскоре после половцовского следствия Траутфеттер был отозван МГИ в Петербург, где сначала принял участие в организации переведенного из Горок института, а затем был назначен директором Петербургского ботанического сада.

Сняв, таким образом, вину и ответственность за происшедшие события с директора, а вместе с этим и с ГЗИ, виновными Половцов считал губернскую и уездную администрацию, не принявшую мер к недопущению в имениях окрестных помещиков подготовки к восстанию и нападения на Горки, а также и польские национально-революционные варшавский и виленский комитеты, которые он называл в своем отчете «клерикальной партией». «Начало мятежа в г. Горках, Могилевской губ., — писал Половцов, — по собранным на месте сведениям и указаниям лиц достоверных, следует отнести к давно задуманному и постепенно подготовляемому плану клерикальной партии. Действуя преимущественно на молодежь, агитаторы избрали ГЗИ, как удобовоспламеняемую массу, и приступили к соращению весьма осторожно и скрытно» [74; 304].

Половцов не занялся расследованием действий местной администрации и «клерикальной партии», связанных с горьковскими событиями, а ограничился только некоторыми указаниями в этом направлении, так как считал, что это не входит в его обязанность как следователя, командированного МГИ.

Из объяснения Половцовым горьковских событий вытекал и подход его как следователя к выяснению виновности только каждого в отдельности учащегося-повстанца, а не особой институтской организации, руководившей восстанием.

Под следствием оказались 5 институтских преподавателей: Жебенко, Гинцель, Выбрановский, Венцовский, Козловский и институтский ксендз Монюшко, обвинявшиеся в предварительном знании о готовящемся восстании, в связи с повстанцами, в поддержке их и т. п. В их защиту и в защиту повстанцев-учащихся выступал как член следственной комиссии профессор И. Стебут, который в особом мнении указал, что всех названных преподавателей нельзя подозревать в злоумышленных проступках и в соучастии в восстании.

Защита И. Стебутом как преподавателей, так и учащихся обвинявшихся в восстании, вскоре стала известна губернской администрации, и по настоянию губернатора Беклемишева И. Стебут был отстранен от участия в следственной комиссии [4; № 97—2; № 133 в, 1860].

Защищал преподавателей и профессор Целлинский, исполнявший обязанности директора после отъезда Траутфеттера. Он, между прочим, добился отмены секвестра, наложенного на имущество и жалованье преподавателей во время их ареста и высылки из Горьков.

В конце июля 1863 года Половцов закончил предварительное следствие по горьковским событиям, лично представил доклад о результатах следствия в Вильно Муравьеву, не удовлетворившемуся этими результатами, а затем возвратился в Петербург.

Дело со следственным материалом перешло в Могилевский военный суд, который состоял из трех полковников — двух военных и одного жандармского — и находился под особым наблюдением Беклемишева по особому полномочию от Муравьева. Не довольствуясь данными предварительного следствия, суд провел дополнительные расследования и в этом судебном следствии и во время самого судебного разбирательства дал делу иное направление, чем то, которое имелось в предварительном следствии Половцова.

Судебное следствие над отдельными повстанцами в августе—декабре 1863 года привело суд к выводу, что среди горьковских учащихся была особая организация, действовавшая по привлечению учащихся к восстанию и по связи этой организации с революционными комитетами в Вильно и Могилеве. В эту организацию входили студенты института Антонович, Висковский, Доморацкий, Моргулец, Червинский, ученик землемерно-таксаторских классов Килдыш, исключенные из Института, но проживавшие в Горьках, Дзеконский и Козел, мировой посредник Оршанского уезда Миткевич и председатель чериковского уездного суда Ф. Чудовский.

Обнаружение особого студенческого революционного комитета в ГЗИ дало суду основание совершенно обойти виновность губернской и уездной администрации, не предупредившей восстания, а направить все обвинения против учащихся как организаторов комитета и всего восста-

ния в Горьках, и против администрации, и педагогов ГЗИ, допустивших организацию комитета в Институте.

Такая направленность суда по делу горьковского восстания получила свое выражение в судебном приговоре в марте 1864 года над названными выше институтскими преподавателями, обвинявшимися в причастности к восстанию. В приговоре указывалось:

«Из дел, произведенных по случаю вооруженного мятежа в г. Горьках, обнаружено, что этот мятеж главным образом был подготовлен студентами и воспитанниками Горьковских учебных заведений, которые, поддерживая в своем кругу революционные идеи, с открытием восстания в Царстве Польском и ближайших к Царству западных губерниях, составили заговор о поднятии бунта и в Горьках одновременно с открытием подготовленного в то время агитаторами общего восстания в Могилевской губ. С этой целью студенты означенных заведений, войдя в сношение с могилевскими агитаторами, устроили среди себя революционное общество и с января месяца стали пригтовляться к участию в восстании. Когда же прибыл назначенный польским революционным комитетом предводитель Горьковской шайки, бежавший из русской службы капитан Звирждовский, то воспитанники Горьковских учебных заведений в назначенную для вооруженного восстания ночь с 23 на 24 апреля, соединясь с прибывшими в Горьки из окрестных мест дворянами и помещиками, подняли знамя бунта... Обнаружение мятежа между воспитанниками и студентами Горьковских учебных заведений, доказав на деле слабость надзора за ними со стороны начальства и отсутствие правильного воспитания их в духе правительственном, показало вместе с тем, что наставники и воспитатели этих заведений не были достаточно внимательны к своим обязанностям и не заботились о внушении воспитанникам долга строгого повиновения правительству» [74; 309—310].

Таблица 20

Число повстанцев-учащихся Горьковских учебных заведений и меры наказания по судебным приговорам [74; 312, 327—329].

Название учебного заведения в Горьках	Число учащихся на 23 апреля 1863 года	Участвовало в восстании	% к общему числу	Осуждено		Оправдано	Итого осуждено	Примечание
				на ка-торгу	в ссылку			
Земледельческий институт	194	38	19	19	17	—	36	1 убит 1 скрылся
Земледельческое училище	91	11	10	3	7	1	10	—
Землемерно-таксаторские классы	32	9	30	4	5	—	9	—
Учебная ферма	92	5	5	—	4	1	4	—
Всего	409	63	16	26	33	2	59	—

Раскрыв студенческий революционный комитет, суд обвинил, кроме учащихся, администрацию и преподавателей ГЗИ в слабости надзора и приговорил 5 преподавателей, которым было предъявлено обвинение в причастности к восстанию на предварительном следствии: Венцовского, Выбрановского, Гинцеля, Жебенко и Козловского — к высылке из Белоруссии в другие главным образом восточные губернии. Профессор А. Козловский после шести лет пребывания в Таврической губ. в качестве агронома-инженера по обводнительным и другим работам в 1869 г. выступал в Петербурге со статьями в «Трудах ВЭО» и с большим докладом на заседании ВЭО «о почвообработнике» русского изобретателя Б. Г. Христофорова [Труды ВЭО, 1870, т. I и II]. Профессор Ю. Жебенко, сосланный в 1864 г. в Пермскую губ., прислал в 1890 г., как профессор

Петровской академии, из Москвы в Горецкое земледельческое училище к его 50-летию приветственную телеграмму: «Душевно желаю училищу процветать многие пятидесятилетия, и да оправдает оно себя, как родоначальник сельскохозяйственного образования в России» [74; 327].

Об участии горецких учащихся-повстанцев можно судить по таблице 20.

А. И. Миловидов в брошюре об участии учащихся Белоруссии в восстании 1863 года [65], между прочим, необоснованно утверждал, что «почти весь ГЗИ организовал восстание в Могилевской губ. и открыто, почти *in cogro* примкнул к мятежной шайке». В действительности же, как видно из таблицы, составленной по соответствующим документам, в восстании приняло участие 16% всех учащихся ГУЗ. Если же верить Миловидову, что в восстании 1863 года по всей Белоруссии приняло участие 2000 учащихся, то учащиеся-повстанцы ГУЗ составят 3% этого общего числа.

Мемуаристы и историки, останавливаясь мимоходом, вскользь на событиях 1863 года в ГЗИ, дают им различную оценку.

Студент-повстанец Г. Коссак, отбыл в 1877 г. восьмилетнюю каторгу, а затем ссылку в Сибирь, написал воспоминания о пребывании в Сибири. В воспоминаниях он рассказывает, что горецкие повстанцы в первые дни нахождения на каторге, разбираясь во всех обстоятельствах происшедшего, осуждали организаторов горецкого восстания как людей, забывших не только расположить к себе местное население, но даже познакомиться с настроением этого населения [74; 319].

Очевидец восстания в Горках ученик ГЗУ А. Гейнрих в воспоминаниях, относящихся к 1883 г., называет горецкие события «катастрофой» с трагическими последствиями в личной и общественной жизни и, придерживаясь судебной версии, обвиняет в катастрофе администрацию и педагогов ГЗИ [107-б]. Он, например, рассказывает, что Траутфеттер перед поездкой по вызову губернатора в Могилев, предвидя возможное предложение военной помощи, совещался об этом с членами Совета ГЗИ, которые отвергли военную помощь учебному заведению, так как это, по их мнению, укажет на их бессилие и может опозорить институт; а профессор Жебенко будто бы сказал, обращаясь к Траутфеттеру: «Если вы, генерал, на это согласитесь, то мы сами окажемся хуже казаков!». Вместе с этим Гейнрих винил и губернатора в неказании военной помощи городской полиции, так как, предложив военную помощь директору, губернатор совершенно игнорировал в этом отношении местного исправника.

Польский реакционный историк В. Пржиборовский («Dzieje 1863 roku, Krakow, 1902, t. III, 60—65»), находя в Могилевском восстании попытку осуществить широкие планы Сераковского, считает Горецкое восстание «легкомысленной авантюрой, которая все же имела небольшое значение по отношению к главной цели... Блуждание небольшого отряда на протяжении нескольких дней в белорусских лесах, — пишет далее Пржиборовский, — нельзя признать за настоящее восстание. Начавшись горецким громом, оно окончилось незаметно и тихо и больше в этих местах головы не подымало».

Современный польский историк З. Галич в труде «Крестьянский вопрос в Царстве Польском в год январского восстания» (Варшава, 1955, стр. 203) называет выступление Звирждовского в Белоруссии «неудачной акцией».

Современный белорусский историк В. Н. Перцев, упомянув, что план

Звирждовского нападения на Горки был одобрен К. Калиновским, указывает, что Калиновский «переоценивал демократические силы польского национально-освободительного движения, ошибочно возлагая на него большие надежды в деле удовлетворения требований белорусских крестьян» [56; 378].

Изучение событий 1863 года в ГЗИ позволяет признать, что участие учащихся ГУЗ в военно-политической демонстрации горецкого повстанческого отряда было сочувственным откликом на польское национально-освободительное восстание, выражением солидарности с революционно-демократической стороной этого движения. Это участие способствовало также сближению поляков, русских, белорусов и других учащихся ГУЗ в совместной революционно-демократической борьбе.

Кроме того, учащиеся ГУЗ, привлекая к выступлению некоторых крестьян-учеников из фермы и земледельческого училища и отдельных крестьян, сопутствовавших повстанцам в походе по губернии и предоставлявших им квартиры в Горках, частично выполнили также одну из главных задач выступления — привлечение на свою сторону крестьян, хотя массового выступления крестьян совместно с горецкими повстанцами и не было из-за отсутствия предварительной подготовки к этому.

В то же время участие учащихся ГУЗ в восстании дало правительству повод расправиться с ГЗИ, как с разночинно-демократическим учреждением, к которому и до восстания, как это отмечалось, недоверчиво-отрицательно относились министры Муравьев, Зеленой, Валуев и их помощники Неелов и Половцов.

В начале работы следственной комиссии Половцова был отменен прием студентов в ГЗИ на новый учебный год, что объяснялось «состоянием западных губерний и участием в восстании некоторых из учащихся института». Отмена приема студентов, естественно, вызывала вопрос о дальнейшей судьбе ГЗИ, о возможности его перевода из Горок, неблагоприятная обстановка которых для ГЗИ не раз отмечалась в МГИ Шульгиным, Ламовским и другими. Половцов, соглашаясь с приведенным выше мнением Неелова, что ГЗИ «прозябает», предлагал в письме из Горок в МГИ не переводить институт из Горок, а оставить его на месте. «Лучше всего, — писал он, — если ГЗИ в два года здесь же истает и на могиле усопшего воздвигнется памятник в обновленном училище с богатыми средствами и роскошными плантациями» [4; № 97, 1863 г.].

В то же время в МГИ был решен немедленный перевод ГЗИ в Петербург, в здания Лесного института, переведенного, в свою очередь, в Петровскую академию, и на второй день по возвращении Половцова в Петербург это решение 24 июля 1863 года было утверждено.

Мотивировка перевода была составлена министром Зеленым в виде доклада. [23; 131—135], в котором прежде всего указывалось, что цель ГЗИ — подготовка агрономов — мало достигалась, что, «несмотря на все усилия министерства поднять это единственное пока в России высшее агрономическое заведение, результаты, им приносимые, не соответствуют тем жертвам, которые правительство на него употребляло».

Далее в докладе отмечаются причины неудовлетворительного состояния ГЗИ. Причины эти заключаются в условиях Горок, неблагоприятных для студентов, преподавателей и научно-учебной работы.

Студенты при их «большом скоплении» в городке, удаленном от больших городов и путей, оказывались под «невыгодным» влиянием

«бедности окрестных хозяйств и всего населения», а также под «вредным» в политическом отношении влиянием польских помещиков, окружавших Горки.

О преподавателях ГЗИ в докладе говорится следующее: «Ни один действительно ученый и талантливый профессор не в состоянии долго оставаться в этой глухой и разобщенной со всем ученым и живым миром местности. Поэтому профессора, имеющие талант и известность по своим специальным познаниям, или не едут в Горки, или, попав туда однажды, в начале своей карьеры, стремятся скорее их покинуть; там решаются оставаться только такие профессора, которые вне Горок не надеются найти себе места или по своей посредственности, или по особой специальности предмета, который не читается в других учебных заведениях».

Учебная сторона института в Горках, по словам доклада, тоже не находила условий для своего совершенствования. Институт ничего не мог позаимствовать от окружающих разоренных крестьянских и нестроенных помещичьих хозяйств, а все должен был приобретать и устраивать сам. Учебные пособия обходились очень дорого. Мало результатов были из-за плохих дорог и агропутешествия преподавателя со студентами. Отрезанность Горок от хороших путей сообщения сказывалась также на ограниченности района, который обслуживался ГЗИ и который состоял преимущественно из западных губерний, главным образом из Могилевской губ., поставлявшей почти треть всех слушателей института.

Перечисленные неблагоприятные условия для ГЗИ, говорится далее в докладе, особенно выявившиеся в событиях 1863 года, привлекли внимание министерства и вызвали опасение за дальнейшую судьбу института, так как при необходимости «коренного преобразования» учебного плана институт в Горках будет надолго лишен хороших профессоров, отказывающихся ехать в столь глухую местность.

Единственным средством сохранения и дальнейшего развития земледельческого института, по мнению министерства, является его перевод в Петербург, находясь в котором, институт даст «несравненно высшие и полезные результаты для русской земледельческой промышленности, чем в Горках»: в столице возможен выбор лучших профессоров; имеется обилие учебных пособий; студенты смогут «пополнять свое общее и специальное образование в разного рода учебных заведениях»; окрестности Петербурга с образцовыми сельскими хозяйствами, с фермами удельного ведомства и ВЭО дадут студентам в практическом отношении «несравненно более средств, нежели Горки».

Приводятся в докладе следующие финансовые соображения в оправдание перевода института. Хотя содержание земледельческого института в Петербурге (76 тыс. руб.) будет стоить и дороже на 11 тыс. руб., чем в Горках (65 тыс. руб.), из-за повышения окладов преподавателям и столичной дороговизны, но это не явится перерасходом средств, ассигнуемых на высшее образование по МГИ, так как в ведении министерства после перевода ГЗИ в Петербург, вместо прежних трех высших школ (ГЗИ, Петровской академии в Москве и Лесной академии в Петербурге) с расходом 285 тыс. руб., должны были оставаться две высшие школы (Петровская академия и Петербургский земледельческий институт) с расходом в 261 тыс. руб. Таким образом, получалась экономия в 24 тыс. руб.

Указание на такую экономию со стороны МГИ, от которого как от руководившего сельскохозяйственным образованием следовало бы ожидать в 60-е годы не уменьшения, а увеличения числа высших школ, свидетельствовало о мелочном, узковедомственном подходе МГИ к большому общегосударственному делу.

Кроме решения о переводе института, в докладе содержится также указание на необходимость «коренного преобразования» учебного плана ГЗИ в практическом направлении. Для этого необходимо устранить из курса все общеобразовательные и вспомогательные предметы, а оставить одни специальные и сократить срок обучения до двух лет.

В то время, как институт было решено перевести из Горок, остальные учебные заведения, бывшие при Институте: земледельческое училище, землемерно-таксаторские классы и учебная ферма — должны были остаться в Горках, так как, по мнению МГИ, для развития их не было таких препятствий, как для института, а тем более, что земледельческое училище, как школа «закрытая и дисциплинарная», приносила краю «весьма ощутительную пользу».

Между прочим, не обошлось без проекта о закрытии и ГЗУ. С этим проектом выступил горьковский жандармский полковник Першин. В отчете, представленном в 1868 г. шефу жандармов Шувалову, он предлагал закрыть ГЗУ, так как оно, по его мнению, не имеет влияния на край и в то же время обходится правительству около 60 тыс. руб. в год, а один ученик стоит около 5 тыс. руб. Эти средства Першин предлагал использовать на издание популярной сельскохозяйственной литературы [74; 339]. Проект Першина, исходивший, разумеется, не из экономических соображений, а из его личных интересов по уменьшению хлопот при наблюдении за учащимися, доставил удовольствие Шувалову, но дальнейшего хода не получил.

МГИ считало, как указывалось выше, главным типом сельскохозяйственных учебных заведений земледельческое училище и поэтому сохранило это училище в Горках, передав ему оставшиеся от института такие учебно-вспомогательные учреждения, как ферма с тремя фольварками, опытное поле, племенная овчарня, стадо рогатого скота, дренажное заведение, дендрологический и фруктовый питомники и многое другое.

Поддерживая земледельческие училища, МГИ в 1864 году открыло пятое земледельческое училище около Саратова при четырех уже существовавших — Московском, Горьком, Харьковском и Казанском.

Землемерно-таксаторские классы также были оставлены в Горках, хотя, по предложению Муравьева, в сентябре 1864 года были закрыты землемерные классы при Минской и Виленской гимназиях из-за отсутствия в них, как указывалось, «надлежащего полицейского надзора».

В приведенном документе — решении МГИ о переводе института из Горок в Петербург — обращают на себя внимание не только те причины перевода, которые отмечались и прежде в ревизионных актах: провинциальная местность, трудности с приглашением преподавателей и др., — но и те, которые, по мнению МГИ, повлекли за собою события 1863 года.

Эти причины заключаются главным образом в двух обстоятельствах: во-первых, в невыгодном окружении ГЗИ как бедными крестьянскими хозяйствами, вызывавшими у учащихся демократические взгляды, так и польскими помещиками и шляхтой, распространявшими среди молодежи национально-освободительные идеи, а во-вторых, наличием

в учебном плане ГЗИ общеобразовательных и вспомогательных предметов.

Первое обстоятельство (сельская местность), как известно, в свое время было основанием для открытия ГЗИ. Министерство Киселева открывало высшую сельскохозяйственную школу именно в сельской местности с целью помощи крестьянам, а при открытии института в 1848 г. трехлетний курс обучения в высшем разряде ГЗШ был расширен на четырехлетний с целью более основательной подготовки агрономов широкого профиля. Муравьев же, как указывалось, перевел ГЗИ с четырехлетнего курса обучения на трехлетний. Зеленой, продолжая политику Муравьева, предложил еще сократить срок обучения с трех лет на два года.

Кара, постигшая ГЗИ и состоявшая в его закрытии, применялась в это время правительством в борьбе с демократическим движением по отношению ряда других учебных и неучебных учреждений. В 1862 г. и в начале 1863 г. был закрыт Маримонтский институт в Варшаве с переводом его в Пулавы (Новую Александрию), временно закрыт Ново-Александрийский институт, запрещена деятельность Вольного университета в Петербурге, закрыты воскресные школы для взрослых (открыты впервые в 1857 г. в Киеве по инициативе Н. И. Пирогова), закрыты землемерные классы при Виленской и Минской гимназиях, арестованы Чернышевский и Писарев и временно закрыты журналы «Современник» и «Русское слово». Все эти правительственные меры свидетельствовали, с одной стороны, о широком охвате различных учебных заведений студенческим, демократическим движением, а с другой стороны, об усиленной борьбе крепостников-консерваторов с этим движением. Вспомним, что один из видных крепостников М. Н. Муравьев настоял на закрытии Вольного университета, что он же осуждал деятельность П. Д. Киселева по созданию ГЗИ. Поэтому-то Муравьев приветствовал закрытие ГЗИ. «Хорошо вы сделали,—писал он из Вильно министру Зеленому,— что покончили с Горыгорецким институтом. Это было скверное гнездо» [74; 334].

Директор же Траутфеттер, выражая мнение преподавателей ГЗИ, доказывал необходимость оставления института в Горках, ссылаясь на то, что «другая обстановка института в Петербурге и ожидаемый в оный прилив людей другого образа мыслей и жизни неминуемо придадут сему заведению и его воспитанникам вид и характер совершенно другие, чем они имели в Горках» [74; 335]. Этот взгляд Траутфеттера и других преподавателей ГЗИ показывает на их большую дальновидность в вопросе о переводе, чем в МГИ, на понимание того, что столица сделает институт учебным заведением не столько для подготовки непосредственных деятелей по сельскому хозяйству, помещичьему и крестьянскому, сколько министерских чиновников. Еще свежа была в памяти описанная выше история с пятилетним опытом Петербургского училища сельского хозяйства, закрытого в 1854 г., так как в нем учились дворяне только из-за служебных чинов. Когда Траутфеттер узнал, что перевод—дело решенное, то он просил отложить его до окончания курса оставшимися студентами, организовать немедленно обучение которых в Петербурге было невозможно. Зеленой согласился с этим мотивом и сложил перевод сначала до января, а затем до сентября 1864 года, т. е. оставил институт в Горках на год.

Выступление Траутфеттера от имени преподавателей в защиту ГЗИ было единственным.

Летом 1864 года переехали из Горок в Петербург переведенные туда 6 профессоров: А. М. Бажанов, Э. Э. Баллион, И. А. Стебут, Б. А. Целлинский, К. Д. Шмидт и Ю. Э. Янсон. Профессора В. И. Краузе и Э. Ф. Рего остались преподавателями земледельческого училища в Горках, а остальные служащие ГЗИ (преподаватели, лектора немецкого и французского языков, лаборант, инспектор, надзиратели и другие, в количестве 10 человек) были оставлены за штатом.

Перевод горьких студентов в Петербург оказался несколько сложнее, чем перевод профессоров, вследствие недоверия министерства к их политической благонадежности и боязни, что они занесут революционные идеи в среду студентов Петербургского института.

Хотя Траутфеттер и писал в МГИ о студентах, оставшихся в институте после исключения из него всех участников восстания, что среди них нет «подозрительных в политическом отношении», но крайняя запуганность МГИ событиями в Горках вызвала недоверие к студентам, которые и не участвовали в восстании, но были товарищами повстанцев. Поэтому были приняты меры к недопущению сближения их со студентами Петербургского института.

Переведены из Горок в Петербург были только 33 студента третьего курса, перешедшие на этот курс в конце учебного 1863/64 года, продолжавшегося в Горках. Студентов второго курса в Горках в последний год не было, так как прием в Институт в 1863 г. не производился, а студенты, закончившие в 1864 г. третий курс, были оставлены в Горках для выполнения положенной годичной практики и, таким образом, переводу не подлежали.

Так что после перевода земледельческого института из Горок в Петербург в течение первого учебного года (1864/65) обучалось в Петербургском земледельческом институте только 33 горьких студента третьего курса, которые по окончании этого курса в июле 1865 года были досрочно, без выполнения годичной практики, выпущены агрономами.

И только после окончания Горькими студентами в Петербургском земледельческом институте всех занятий и экзаменов МГИ разрешило провести осенью 1865 года первый прием в этот институт. Принято было 17 студентов.

Отмена приема студентов в земледельческий институт в Горках в 1863 г. и в Петербурге в 1864 г. вызвала прекращение выпуска агрономов в России в 1866 и 1867 гг. (первый прием в Петровскую академию был в 1865 г., а в Ново-Александрийский институт после временного закрытия—в 1869 г.).

Одновременно с переводом профессоров и студентов было перевезено из Горок в Петербург наиболее ценное учебное оборудование ГЗИ. Были отобраны из химической лаборатории и из кабинетов физического, ботанического, зоологического, агрономического и других модели, коллекции; инструменты переписаны, оценены, сложены в 76 больших ящиков весом в 667 пудов, ценою в 36590 руб. и направлены на 25 подводах в Петербург [2; № 249, 1863]. Перевезены были из Горок также дела институтского архива и часть библиотек—институтской и студенческо-профессорского клуба, закрытого в июне 1864 года. Кое-что из клубной обстановки было продано за 75 руб., направленных также в Петербург [74; 335].

Хотя многое из кабинетно-лабораторного оборудования при перевозке поломалось и испортилось, а некоторые ящики с оборудованием оставались в Петербурге в течение года не раскрытыми, так как в зданиях бывшего Лесного института не хватало места и шкафов для размещения всего полученного из Горок, но несомненно, что перевезенное учебно-вспомогательное оборудование явилось большим подспорьем для учебных и исследовательских занятий в Петербургском земледельческом институте.

Особенное значение для Петербургского института получило почти полностью перевезенное из Горок оборудование химической лаборатории, устроенной профессором К. Д. Шмидтом и считавшейся одной из лучших лабораторий в тогдашних учебных заведениях. Это оборудование, в дальнейшем пополненное, при отсутствии в институте учебного и опытного поля дало возможность глубоко проводить обучение и исследование по химии, в частности по агрохимии, и сообщило Петербургскому земледельческому институту агрохимическую направленность.

Перевод высшей сельскохозяйственной школы из сельской местности в северную столицу, во-первых, лишил Белоруссию и прилегающие к ней области своей единственной высшей школы, во-вторых, разрушил уже окрепшую хозяйственную основу высшей сельскохозяйственной школы и тем нанес значительный ущерб сельскохозяйственному образованию и, в-третьих, показал недалекое и неумелое министерское руководство высшим сельскохозяйственным образованием, так как институт был переведен в обстановку, совершенно лишенную учебно-производственного хозяйства — основы сельскохозяйственной школы.

Когда перевод ГЗИ стал совершившимся фактом, появились попытки восполнить утрату Белоруссией высшей школы. Возник проект восстановления университета в Вильно, но попечитель Виленского учебного округа И. П. Корнилов, боясь возрождения прежних традиций Виленского университета, закрытого в 1832 г., нашел восстановление университета преждевременным. Предложение М. Н. Муравьева учредить в Вильно православную духовную академию не осуществилось вследствие возражения митрополита Филарета [65; 36].

Восполнением недостатка высшей школы занялось МНП, решившее с этой целью восстановить Ново-Александровский институт сельского хозяйства и лесоводства, временно закрытый в 1863 г. по тем же мотивам, что и ГЗИ.

При решении вопроса о восстановлении Ново-Александровского института министр Зеленой выступил против учреждения для Польши и Белоруссии высшей сельскохозяйственной школы, считая, что для них достаточно среднего земледельческого училища, имея в виду ГЗУ. Потребность же в специалистах с высшим сельскохозяйственным образованием могла быть, по его мнению, удовлетворена двумя высшими сельскохозяйственными школами в Петербурге и Москве [17; 217—218].

В ответ на приведенное возражение Зеленого МНП выступило в защиту Ново-Александровского института как высшей сельскохозяйственной школы, указав на недостаточность для местного сельского хозяйства одного земледельческого училища и двух столичных высших сельскохозяйственных школ. «Необходимы, по мнению МНП, специальные познания, которые могут быть приобретаемы лишь в высшем специальном заведении, находящемся в самом крае, так как теоретические

познания должны быть применены на практике, и не только к почве, но и к разным местным особенностям сельского хозяйства».

Этот мотив о том, что высшая сельскохозяйственная школа должна находиться не в столице, а в сельскохозяйственной обстановке и соотноситься с почвой, практикой, экономикой и другими сельскохозяйственными особенностями данного края, явно был направлен в упрек МГИ, совершенно не считавшемуся с МНП при переводе ГЗИ в Петербург, что ослабляло и тормозило развитие сельскохозяйственного образования.

Ново-Александровский же институт открывался на площади бывшего имения в 800 десятин, из которых 35 десятин занимали здания, парк и сады, а остальные были под фольварками с полями и лесами.

Мнение МНП поддержал Комитет по делам Царства Польского, ссылаясь на большую потребность Польши в высшей агрономической школе. «Потребности этой,—писал Комитет,—не могут удовлетворить два существующие в империи высшие сельскохозяйственные учебные заведения, в коих состоит ныне (1869) от 30 до 50 учеников из польских уроженцев. Из них большая часть останется, конечно, в России, и едва ли более 20 человек будут искать себе занятий в Царстве Польском. Такое число лиц с высшим агрономическим образованием едва ли может удовлетворить нуждам целого края, заключающего в себе 10 губерний». Одного земледельческого училища для края недостаточно, так как, по словам Комитета, «в настоящее время признано вообще, что специальные и практические познания с наибольшим успехом усваиваются молодыми людьми, окончившими общеобразовательный гимназический курс, нежели такими, которые со слишком раннего возраста обращаются к специальному обучению». Последний мотив — это было педагогическое положение, высказанное популярным в это время Н. И. Пироговым в его статье «Вопросы жизни», что не следует давать специальное образование с раннего возраста, что «истинные специалисты» нуждаются в предварительном большом общечеловеческом образовании.

Проект МНП о восстановлении Ново-Александровского института сельского хозяйства и лесоводства, несмотря на противодействие МГИ, был осуществлен. В июне 1869 года были утверждены новый устав с трехлетним сроком обучения и штат этого института, оказавшегося в ведении МНП и в некоторой степени восполнившего недостаток в высшей сельскохозяйственной школе не только в Польше и Белоруссии, но и во всей России.

При переводе института из Горок, как это указывалось, МГИ предполагало коренным образом изменить структуру Петербургского института по сравнению с ГЗИ путем сокращения срока обучения с 3 лет на 2 года и упразднения в учебном плане предметов общеобразовательных и вспомогательных, но благодаря настойчивости комиссии по устройству Петербургского института, под председательством бывшего директора ГЗИ Траутфеттера были оставлены прежний трехлетний срок обучения и вспомогательные предметы [17; 84—89]. Директором Петербургского института был назначен Е. А. Петерсон, не раз посещавший ГЗИ как член Ученого комитета и являвшийся главным автором Положения ГЗИ 1859 года.

Предварительно оставив в Петербургском институте учебный план ГЗИ, комиссия занялась было разработкой нового Положения о Петербургском институте, предполагая предоставить Совету института право давать степени доктора агрономии и др., но проект комиссии не полу-

чил одобрения в Государственном совете. Пришлось остаться при Положении ГЗИ 1859 года. В учебный план Петербургского института входили следующие предметы: земледелие, лесоводство, животноводство, технология, политическая экономия со статистикой, сельское строительное искусство, хозяйственная съемка и нивелировка, зоология, ботаника, минералогия и геогнозия, химия, механика, физика, метеорология и климатология. Из предметов, имевшихся в последнее время в ГЗИ, были упразднены математика, иностранные языки, законоведение, ветеринария, садоводство и огородничество. Учебный курс был разделен, как и в ГЗИ, на подготовительный и специальный по три семестра в каждом.

Взамен упраздненных предметов и некоторых работ по полеводству и животноводству, которые не могли проводиться в Петербурге из-за отсутствия учебного хозяйства, в учебном плане были усилены лабораторно-кабинетные занятия по всем предметам, в особенности по агрономической химии, благодаря перевезенной из Горок хорошо оборудованной химической лаборатории. С этой целью была введена в учебный план агрохимия, а в штат — профессор агрохимии, при котором полагалось два помощника; на содержание химической лаборатории было ассигновано в два раза больше (2000 руб.), чем в Горках, так что в Петербургском земледельческом институте создавалась лабораторно-химическая база для подготовки агрономов-химиков и почвоведов.

Вместе с поступившими от ГЗИ преподавателями, ценным оборудованием, учебным планом и Положением к Петербургскому земледельческому институту перешла, в особенности в первое время, и известность ГЗИ, как уже сложившейся и определившейся старейшей высшей сельскохозяйственной школы. В этом отношении показательно зачисление в студенты Петербургского земледельческого института П. А. Костычева, известного почвоведа [15; 598—599].

Окончив Шацкое (Тамбовской губ.) уездное училище, Костычев, как способный 16-летний крестьянский мальчик, в 1861 г. поступил при поддержке помещика в Московскую земледельческую школу, которую и закончил в 1864 г.; при этом, как «особо преуспевающий в науках» и имеющий интерес к сельскому хозяйству, он получил право поступления по экзаменам в ГЗИ, переведенный в это время в Петербург. Казалось бы, что для Костычева, проживавшего в Москве, в качестве репетитора Московской земледельческой школы было более естественным и легким поступление в открывшуюся в 1865 г. Петровскую академию, в которой не требовалось вступительных экзаменов. Однако Костычев по совету окружающих направился в 1866 г. не в Петровскую академию, а в Петербург, в пользовавшийся известностью переведенный из Горок институт. Принят он был сначала вольнослушателем, а затем по выдержании экзаменов в гимназии за полный гимназический курс был зачислен в 1867 г. студентом. Таким образом, Костычев поступил и учился, собственно, в ГЗИ, находившемся в Петербурге.

Но Петербургский земледельческий институт, не имевший учебно-хозяйственной базы, не мог поддержать заслуженную известность своего предшественника. При Петербургском институте не оказалось учебного хозяйства; окрестные хозяйства, которые предполагалось использовать для практического обучения студентов, носили по преимуществу коммерческий характер, обслуживали столицу и могли быть местом только для экскурсий, а не для самостоятельных работ студентов.

Студенты этого института не выполняли практических занятий по по-

леводству и животноводству из-за отсутствия учебно-вспомогательных учреждений: в распоряжении профессора сельского хозяйства был только небольшой участок земли, на грядках которого рядом с морковью и капустой разводились рожь и пшеница; породы скота студенты изучали только по книжке. Так писал о практической стороне Петербургского института обучавшийся в нем А. С. Ермолов, затем министр земледелия [13; 13—15].

Недостаточность учебного хозяйства при Петербургском институте несколько компенсировалась: а) опытными профессорами, прибывшими из Горок, как Бажанов, Баллион, Янсон, и вновь назначенными, как П. Людоговский (до 1870 г.), А. Н. Энгельгардт, С. П. Карельщиков, И. П. Бородин и др. (с 1866 г. Стебут был переведен в Петровскую академию, а Целлинский и Шмидт вышли в отставку) и б) хорошими лабораториями, в частности химической.

Кроме того, в практической подготовке петербургских агрономов помогало Петербургское собрание сельских хозяев (так называлось сельскохозяйственное общество), организованное в 1863 г. для «содействия успехам земледельческой промышленности» и выдававшее с 1870 года нескольким агрономам, окончившим Петербургский институт, по 300 руб. для самостоятельной практики в течение года в каком-либо образцовом имении [27-в].

Отсутствие учебно-хозяйственных учреждений, бесперспективность в их устройстве, лишение студентов общения с главным сельскохозяйственным тружеником-крестьянином — все это повело к снижению популярности Петербургского института и к уменьшению ежегодных выпусков агрономов более чем в 2 раза по сравнению с ГЗИ: в Петербурге в среднем выпуск составлял 12 агрономов в год, в Горках — 27. При этом обнаружилось, что с присоединением Петербургского лесного института к Петровской земледельческой академии в первые годы почти прекратился выпуск из Петровской академии лесоводов (4 в год), так что уже в 1869 году само МГИ начало понимать бесцельность присоединения лесной специальности к Петровской академии и усилило лесные предметы в Петербургском земледельческом институте.

Вместе с тем МГИ, помня о событиях 1863 года в ГЗИ и пытаясь уберечь студентов Петербургского института от политических влияний, предприняло ряд мер по сокращению числа учащихся.

Уберечь студентов от начинавшихся народнических влияний, шедших от студенческой молодежи различных столичных учебных заведений, МГИ оказалось бессильно. В конце 60-х годов у студентов Петербургского института под влиянием сближения с профессором агрохимии А. Н. Энгельгардтом было обнаружено увлечение народническими идеями. В декабре 1870 года Энгельгардт был арестован и вскоре за «участие на сессиях в институте» и «внушение воспитанникам безнравственности и демократических идей» был выслан из Петербурга в свое имение Батищево, Смоленской губ., с воспрещением педагогической деятельности [66; т. 3, 449]. В Батищеве Энгельгардт организовал свое хозяйство на «артельных» началах и описывал его в «Письмах из деревни», гомещавшихся в «Отечественных записках» (1872—1887).

С возвращением П. А. Валуева в 1872 г. в МГИ в качестве министра, вместо ушедшего Зеленого, опека МГИ над студентами Петербургского института усилилась и приобрела характер гонения на сельскохозяйственную науку и образование. Валуев, отменив обычный прием студен-

тов в институт, установил прием только с его личного разрешения. Главными виновниками студенческих волнений он считал студентов-разночинцев, которые не в состоянии были содержать себя в столице и среди которых «укоренилось убеждение в существующей будто бы для государства обязанности давать им даровое образование».

Для постоянного наблюдения за студентами во время учения Валуев пытался было ввести ежемесячные «репетитории» — повторительные беседы, во время которых преподаватель должен был побеседовать со студентом по материалу, пройденному за месяц, и выставить отметку. Беседы эти не привились: студенты не пожелали участвовать в беседах, не поддержали их и преподаватели [17; 93—94].

Между тем студенческие волнения в Петербурге и других городах приобрели столь большое политическое значение, что стали предметом особого правительственного совещания. Валуеву, как имевшему опыт по борьбе с этими волнениями при работе в министерствах внутренних дел и государственных имуществ, было поручено провести специальное совещание «для коренного исследования вопроса о студенческих беспорядках» с участием министров народного просвещения, внутренних дел, военного, юстиции и др. На этом министерском заседании, состоявшемся в 1874 г., причина студенческих «беспорядков» была найдена в университетских остатках студенческой и профессорской автономии. Поэтому в качестве мер, предупреждающих «беспорядки», были предложены, а затем утверждены следующие: ограничение автономии профессорских коллегий, изъятие из их ведения административных обязанностей по отношению к студентам, лишение университетского Совета права избирать профессоров и назначение их министерством, ограничение «излишнего притока мало подготовленных и материально не обеспеченных слушателей» и т. п. [32; 7—11].

Следуя этим положениям и борясь с «излишним притоком слушателей», Валуев приступил к постепенному свертыванию, а затем и закрытию Петербургского земледельческого института и восстановлению в Петербурге Лесного института, как было до перевода ГЗИ из Горок. Постепенное замирание сельскохозяйственной специальности в Петербургском институте видно из следующей таблицы.

Таблица 21

Число агрономов, окончивших Петербургский земледельческий институт за годы его существования (1866—1877, первый выпуск в 1868 г.)

1868	1869	1870	1871	1872	1873	1874	1875	1876	1877	Итого
9	13	25	25	12	6	12	5	8	6	121

Но одновременно с замиранием сельскохозяйственной специальности в Петербургском институте развивалась лесная специальность, в особенности после усиления преподавания лесных предметов в 1869 г. За шесть лет (1872—1877) институтом было выпущено 148 лесоводов.

Особая комиссия, рассматривавшая состояние Петербургского института, нашла, что неустроенное и двойственное состояние института приносит несомненный вред, в особенности в деле подготовки лесничих.

Государственный совет, по докладу Валуева, решил закрыть сельскохозяйственное отделение Петербургского земледельческого института с

переименованием его в Петербургский лесной институт, который стал действовать по нозому Положению, утвержденному в 1880 г., упразднить в нем кафедры сельскохозяйственной технологии, зоотехнии, экономики и счетоводства, кафедру же общего земледелия сохранить; предоставить студентам сельскохозяйственного отделения право перехода или в Лесной институт или в Петровскую академию. 5 ноября 1877 г. решение Государственного совета было утверждено [23; 287—288].

Мотивы закрытия Петербургского института указывались следующие: во-первых, отсутствие при институте учебной фермы, необходимой студентам для практических занятий; во-вторых, крайне неудобная для сельскохозяйственного института местность Петербурга и его окрестностей под 60° северной широты, в то время как эта же местность очень удобна для лесного учебного заведения; и, в-третьих, отсутствие действительной потребности в Петербургском земледельческом институте, который не приносит пользы, соответствующей затратам на этот институт, тогда как после изменения устава Петровской академии в 1873 г. сельскохозяйственное образование в академии будет поставлено очень хорошо и обеспечит потребности страны.

Эти министерские мотивы закрытия Петербургского института (невыгодность петербургской местности, отсутствие учебного хозяйства, финансовая неоправданность) совершенно отвергали те мотивы, которые приводились этим же министерством 14 лет назад при переводе института из Горок и в которых доказывалось, что институт в Петербурге даст несравненно лучшие результаты для русской земледельческой промышленности, чем в Горках, и что окрестности Петербурга дадут студентам в практическом отношении больше, чем Горки. Таким образом, доклад Валуева о закрытии Петербургского земледельческого института явился как бы обвинительным актом против безответственного министерского руководства высшим сельскохозяйственным образованием в 60-е годы, против Зеленого, Неелова, Шульгина, Петерсона, главных виновников перевода ГЗИ в Петербург.

Вместе с тем, закрывая Петербургский земледельческий институт и довольствуясь только одной высшей сельскохозяйственной школой — Петровской академией, Валуев, как министр МГИ, расписывался и в собственной несостоятельной, недальновидной политике в области высшего сельскохозяйственного образования, проявившейся в сокращении, а не в увеличении высших сельскохозяйственных школ, крайне необходимых при все возрастающей потребности в специалистах-агрономах, в нежелании в угоду реакционных правящих кругов поддержать Петербургский институт, для которого имелась возможность отыскать в окрестностях Петербурга учебное хозяйство или среди «государственных имуществ», или в удельном ведомстве, располагавшем фермами после закрытия в 1861 г. Красносельского земледельческого училища.

Как перевод ГЗИ из сельскохозяйственной обстановки в Петербург, так и закрытие Петербургского земледельческого института — яркое проявление близорукой, губительной политики царского правительства второй половины XIX века, которое недооценивало технического образования, не придавало должного значения сельскохозяйственной отрасли народного хозяйства и тем закабаляло Россию иностранному капиталу.

Прошло два с половиной десятка лет, и под влиянием успехов агрономии, под влиянием наличия в Петербурге ученых агрономов и возросшего спроса на агрономов высшей квалификации в Петербурге возроди-

СОБЫТИЯ 1863 г. В ГОРЫГОРЕЦКОМ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ
И ПЕРЕВОД ЕГО В ПЕТЕРБУРГ

лась высшая сельскохозяйственная школа сначала в виде Стебутовских высших сельскохозяйственных женских курсов (1904) и курсов агрономов (1906), а затем, после Октябрьской революции, на базе этих курсов был учрежден в 1922 г. Ленинградский сельскохозяйственный институт, который находится в настоящее время в г. Пушкино.
Немного раньше (1919) возродился сельскохозяйственный институт и в Горках—ныне Белорусская сельскохозяйственная академия.

Медаль в награду Студентамъ
Горыгорейскаго Земледельческаго
Института

ГЛАВА VIII ЗНАЧЕНИЕ ГОРЫГОРЕЦКОГО ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЗИ — первой в России высшей сельскохозяйственной школы—и деятельность одновременно с ним основанного МГИ — первого центрального органа управления сельским хозяйством—и его периодического издания «Журнала МГИ» совпали с кризисом крепостной системы 40—60-х годов, когда, по определению В. И. Ленина, «все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками»¹. В этой борьбе МГИ при руководстве П. Д. Киселева до М. Н. Муравьева и «Журнал МГИ» при редакторстве Заблоцкого-Десятовского выражали антикрепостническое, либеральное направление в развитии сельского хозяйства. «В 40-е годы,—пишет современный исследователь Н. К. Каратаев,—в Министерстве государственных имуществ под руководством А. П. Заблоцкого-Десятовского и К. С. Веселовского готовились те буржуазные реформы, на путь которых встало царское правительство лишь в 60-х годах» [55 б; 252]. Соответствующее направление МГИ давало и Горыгорецкому институту: составило антикрепостническое Положение ГЗИ 1848 года с неперменной обязанностью обучать студентов способам перехода от одной сельскохозяйственной системы к другой, распространяло среди крестьян естественно-научные знания и т. п. Ученый комитет МГИ в 1850 году удачно охарактеризовал ГЗИ символическим рисунком на медали, предназначенной студентам ГЗИ за отличные успехи и сочинения. В центре этой медали с надписью вокруг «От Горыгорецкого земледельческого института» был изображен плуг [23; 62]. Плуг как символ ГЗИ говорил прежде всего о том, что в ГЗИ должно уделяться особенное внимание землепашцу-крестьянину, всегда связанному с этим главным орудием земледелия.

И действительно, крестьянское хозяйство было предметом особого внимания в ГЗИ. В этом отношении показательна деятельность профессора ГЗИ Целлинского, связанная со всей историей ГЗИ и ГЗИ. Как профессор сельскохозяйственных предметов, как декан и составитель учебных планов и записок к ним и как ученый, Целлинский проявил себя сторонником антикрепостнического направления, возглавлявшегося при МГИ Заблоцким-Десятовским. Показательны в этом отношении

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 473.